

С. С. ИЛИЗАРОВ

НЕИЗВЕСТНОЕ О МАЛОИЗВЕСТНОМ:

Т. И. РАЙНОВ И В. И. ВЕРНАДСКИЙ*

Статья посвящена крупнейшему русскому историку науки, мыслителю и ученому Т. И. Райнову. На основании архивных материалов описаны неизвестные страницы его жизни, в том числе взаимоотношения с учителями – Д. Н. Овсянко-Куликовским и А. С. Лаппо-Данилевским, друзьями и коллегами – Н. Д. Кондратьевым, Э. Л. Радловым, Л. С. Бергом и др. Главное внимание уделено встречам и контактам Т. И. Райнова с В. И. Вернадским в контексте развития истории науки как области знаний, формирования в России профессионального сообщества историков науки. Публикация приурочена к 150-летию со дня рождения двух великих русских ученых – Вернадского и Лаппо-Данилевского.

Ключевые слова: история науки, наукометрия, историография, Т. И. Райнов, В. И. Вернадский, КИЗ, Институт истории науки и техники.

Историк науки и науковед, востоковед и историк философии, психолог и литературовед, экономист и социолог, библиотечарь и библиограф, мыслитель, эрудит и энциклопедист – таким предстает в наше время Тимофей Иванович Райнов. Он – крупнейший историк науки XX века – столетия, когда сама эта область знаний еще только становилась сферой профессиональной деятельности. Его имя прочно вошло в анналы отечественной истории науки, главным образом как автора первого и до сих пор единственного в своем роде фундаментального труда по истории естественно-научных знаний в средневековой Руси – «Наука в России XI–XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу» (1940). Также получило известность другое новаторское сочинение ученого – «Волнообразные колебания творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики XVIII и XIX веков». Статья была издана в 1929 г. только на английском языке в журнале *Isis* и оказалась надолго почти забытой на родине автора¹. И то, и другое сочинение Райнова так или иначе связаны с именем В. И. Вернадского. Стоит отметить, что даже опубликованная часть творческого наследия Райнова в силу своего тематического и дисциплинарного разнообразия оказалась «разобрана» по отдельным специальностям, не изучена как целое, и потому его имя не стало общекультурным достоянием, как, безусловно, заслуживает. Значительное число его трудов до сих пор не издано.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 11-03-00817 и 14-03-00830).

¹ На эту, одну из ранних науковедческих работ, основанных на применении математических методов, в середине 1970-х гг. указал А. П. Огурцов. См.: *Огурцов А.П. Забытые изыскания // Природа. 1976. № 2. С. 123.*

Прошло уже свыше ста лет со дня рождения ученого, но до сих пор его биография известна лишь в самых общих чертах, она неточна и неполна². Это не позволяет понять генезис и доминанты его творчества, импульсы, приводившие к изучению тех или иных научных проблем и проч. В данной статье не ставится задача полной реконструкции биографии ученого, однако тематический поиск в архивах Москвы и Санкт-Петербурга позволил выявить ряд существенных деталей, которые помогают понять путь, приведший историка науки Райнова к встрече с историком науки Вернадским.

Страницы жизни: становление ученого

Райнов родился 29 июля 1888 г.³ в селе Кольчево Аккерманского уезда Бессарабской губернии в крестьянской семье. Это село, как и ряд других близлежащих населенных пунктов, было основано в XIX в. задунайскими болгарами. До революции отец – Иван Андреевич – владел посевной и усадебной землей, размер которой, видимо, был невелик. Со временем И. А. Райнов стал мелким служащим в городе Болграде, пополняя семейный бюджет сдельной работой. Семья Райновых в начале XX в. проживала в Болграде на улице Инзовской в доме № 114. Т. И. Райнова, судя по всему, назвали в честь деда по матери Прасковьи Тимофеевны⁴.

В анкетах в графе «национальность» Райнов указывал то «болгарин», то «русский», очевидно, не придавая этому особого значения. Зная болгарский, немецкий, французский и английский, родным языком он считал русский. При устройстве на службу в Конъюнктурный институт на вопрос об отношении к религии он указал: «без религии»⁵. Но в какой мере в мировоззрении Райнова формула «без религии» соотносится с «вне церкви» – сказать трудно. В личной переписке нередко встречаются датировки событий по церковно-православ-

² Памяти Т. И. Райнова // Труды библиотеки АН СССР и фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М.; Л., 1959. С. 384–387; *Зубов В. П., Иванов Д. Д., Каминер Л. В., Кузнецов Б. Г., Соболев С. Л., Старосельская-Никитина О. А., Фигуровский Н. А., Юшкевич А. П.* Т. И. Райнов [некролог] // ВИЕТ. 1959. Вып. 7. С. 194–196; *Микулинский С. Р., Ярошевский М. Г.* Т. И. Райнов – исследователь науки // ВИЕТ. 1983. № 4. С. 81–93; *Микулинский С. Р.* Проблемы истории и теории развития науки в трудах Т. И. Райнова // *Микулинский С. Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988. С. 262–330; *Гаврюшин Н. К.* К изучению рукописного наследия Т. И. Райнова // Памятники науки и техники. 1986. М., 1987. С. 170–182; *Илизаров С. С.* Райнов Тимофей Иванович // Московская энциклопедия. М., 2010. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 3 «М–Р». С. 588.

³ Начиная с 1923 г. во всех выявленных анкетах советского времени, собственноручно заполненных Райновым при поступлении на государственную службу, указана именно эта дата рождения: она же воспроизводится во всех справочно-энциклопедических и иных изданиях. Но в сохранившемся личном деле студента Райнова, отложившемся в фонде Санкт-Петербургского университета, имеется другая дата – 29 июля 1890 г.; эта дата указана в копии аттестата зрелости, копии выписки о рождении и крещении 21 августа 1890 г. со ссылкой на запись в метрической книге Михайловской церкви села Кольчевка 4 округа Аккерманского уезда за 1890 г., хранившейся в архиве Кишиневской духовной консистории и др. официальных документах (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 57557. Л. 11–11 об., 35, 42, 61). Неясно, в какой момент и по какой причине оказался измененным год рождения.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7285. Оп. 18. Д. 7285. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 18.

ным праздникам, что вполне естественно для православного христианина – подданного Российской империи. В одном из писем к жене, рассказывая о стараниях своих покровителей (Н. Д. Кондратьева, Ю. Л. Пятакова и Е. А. Преображенского) устроить его в Социалистическую академию, он писал, что от него при этом требуется признание «их символа веры» – нужно быть социалистом и материалистом. Если по поводу социализма Райнов не дал никаких комментариев, то по второму пункту он объяснял жене, что при некоторых точках соприкосновения он от этого «довольно далек»⁶.

По словам Райнова, он начал зарабатывать с 13–14 лет давая уроки. Сам он учился сперва в начальной школе, затем с мая 1900 г. – в гимназии императора Александра III в Болграде, полный восьмилетний курс которой завершил в июне 1909 г. с золотой медалью, показав при этом особые успехи в математике и языках. В образовании и самообразовании Райнова огромное значение оказало обильное самостоятельное чтение; он, как сам писал в автобиографии, читал много и без какого-либо «внешнего руководства»⁷.

В одной из анкет, заполненных в сентябре 1923 г. при поступлении на работу в Социалистическую академию, Райнов, отвечая на вопрос № 23 о том, состоял ли он под следствием в период до установления советской власти, ответил утвердительно: в 1905 (1906?) году за участие в борьбе с хулиганством и антисемитизмом был на две недели исключен из гимназии⁸. Больше он не был замечен в участии в каких-либо революционных событиях той бурной поры и спустя годы в официальных документах лаконично писал о своем отношении к Октябрьской революции и советской власти как о «сочувственном». Правда, в тех же анкетах на вопрос, где он находился во время Октябрьского переворота и принимал ли он активное участие в Октябрьской революции, где и в чем оно выражалось, Райнов отвечал: «...участие принимал в составе I пех. зап. полка». В одном из вариантов автобиографии содержится существенное уточнение, что во время военной службы он участвовал в Февральской рево-

Т. И. Райнов, 1909–1910 гг. г. Болград
(публикуется впервые)

⁶ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 441. Карт. 14. Д. 18. Л. 41 об.

⁷ РГАЭ. Ф. 7285. Оп. 18. Д. 7285. Л. 10.

⁸ Архив РАН (АРАН). Ф. 350. Оп. 3. Д. 311. Л. 100.

И. Райнов – студент историко-филологического факультета, 1910 г. (публикуется впервые)

люции в составе 1 запасного пехотного полка, а во время Октябрьской революции «был как раз демобилизован»⁹. Зато большевик В. И. Райнов (брат?) был известен как активный политический и революционный деятель Бессарабии. Кстати, жена Т. И. Райнова и его преданнейший друг, земский врач Евгения Борисовна Беньямович, очевидно, была сестрой болгардца Якова Борисовича Беньямовича (Бениамовича), также занимавшегося в этих краях партийной и подпольной работой. Летом 1930 г. он руководил деятельностью болгарской подпольной партийной организации, но в октябре того же года румынские власти раскрыли организацию и арестовали свыше двадцати членов партии, в том числе и Беньямовича, ранее уже судимого за коммунистическую деятельность. После того как в августе 1940 г. бывшие бессарабские земли вновь оказались под советской властью, Я. Б. Беньямович был 13 июня 1941 г. арестован и в марте 1942 г. осужден ОСО НКВД СССР на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Впрочем, поиск возможных родственников Райнова требует дальнейшего специального изучения.

В 1920-е гг. из родных Т. И. Райнова только сестра проживала в городе Умани, остальные – отец, мать, сестра и два брата – оказались за границей, в Бессарабии¹⁰. Следует отметить, что первые десятилетия жизни Райнова с трудом поддаются реконструкции в силу ограниченности документальных источников. Так, почти ничего не известно о его родителях, братьях и сестрах,

⁹ РГАЭ. Ф. 7285. Оп. 18. Д. 7285. Л. 2, 10.

¹⁰ АРАН Ф. 350. Оп. 3. Д. 311. Л. 100–100а.

Билет для входа в университет, 1912 г. (публикуется впервые)

о круге общения в гимназический период жизни. Даже о том, где и в какие годы он учился, нет полной ясности.

После завершения гимназического курса Райнов в июле 1909 г. был зачислен на физико-математическое отделение Санкт-Петербургского университета. Но по каким-то причинам он быстро передумал и после подачи 17 августа того же года прошения об увольнении уже в сентябре 1909 г. поступил на инженерно-строительное отделение Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого. Но и здесь он пробыл недолго – до 11 марта 1910 г. В сентябре 1910 г. Райнов поступил ¹¹ на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, дав при этом обязательство в течение 1910/11 академического года сдать экзамен по греческому языку ¹². Проучившись два года, 27 сентября 1912 г. он подал ректору университета прошение о переводе на юридический факультет ¹³. В одной из анкет

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57557. Л. 7.

¹² Там же. Л. 9.

¹³ Информация о прохождении курса на юридическом факультете основана на свидетельствах самого Райнова. Документов, подтверждающих это, пока не найдено. В справке из Санкт-Петербургского университета от 18 сентября 1915 г., направленной в Измаильское уездное по воинской повинности присутствие, указано, что Райнов выбыл из университета в октябре 1912 г. и его местожительство университету неизвестно (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57557. Л. 12). В этих же документах имеется свидетельство, согласно которому Райнов слушал лекции по весну 1912 г. и 15 октября получил на руки свидетельство об увольнении из университета (Л. 20). Правда, у него имелся пропуск для входа в университет на 1912/13 учебный год, и в ноябре 1912 г. он получил разрешение Министерства народного просвещения об отсрочке на

1920-х гг. Райнов писал, что юридический факультет он окончил в 1915 г.¹⁴ В других его анкетах отмечено: закончил юридический факультет Петербургского университета, а также экономический отдел (факультет) Политехнического института. Однако подобная неточность, очевидно, возникала не случайно. Райнов в зависимости от того, в какое рода учреждение поступал на работу (а ему приходилось довольно часто, вольно или невольно, менять служебное место), выделял ту или иную сторону своей профессиональной подготовки. Так, в автобиографии, составленной в 1945 г. при поступлении в Институт истории естествознания АН СССР, он счел необходимым отметить, что в университете проходил курс обучения на трех факультетах – физико-математическом, историко-филологическом и юридическом – и подчеркивал, что «больше всего обязан 3 своим профессорам: Б. А. Тураеву (востоковедение), А. С. Лаппо-Данилевскому (методология и история русской науки) и Д. Н. Овсяннико-Куликовскому (психология научного мышления)¹⁵.

Здесь необходимо пояснение и небольшое отступление от основной линии настоящей статьи. Имя выдающегося русского востоковеда Тураева и его влияние на Райнова в известных на сегодняшний день документах больше нигде не прослеживается. Райнов слушал его лекции по истории египетской культуры, как и лекции других профессоров Санкт-Петербургского университета (Введенского по философии и психологии, Туган-Барановского по политической экономии, Кауфмана по статистике и др.), но в анкету вписал его как своего учителя, видимо, в связи с тем, что в 1940-е гг. он деятельно занимался культурой и наукой средневекового Востока (в пределах республик советской Средней Азии) и созданием московской группы Института востоковедения. Что касается Лаппо-Данилевского и Овсяннико-Куликовского, то Райнов их действительно читал как своих учителей и наставников. С Овсяннико-Куликовским и его семьей, судя по всему, его связывали особо близкие отношения. Так, в 1918 г. он жил несколько дней у них на даче около Одессы, и Овсяннико-Куликовский предпринимал усилия для решения чрезвычайно трудной тогда проблемы – трудоустройства и обеспечения заработком своего ученика. В архивном фонде Райнова сохранились конспекты сочинений и лекций Овсяннико-Куликовского. Жизни и анализу научного наследия учителя Райнов посвятил несколько исследований, в том числе статью «Психология творчества» Д. Н. Овсяннико-Куликовского. К 35-летию его научно-литературной деятельности. Введение в феноменологию творчества», опубликованную в 1914 г. в Харькове в сборнике «Вопросы теории и психологии творчества».

Восхищение ученика и преданность своим учителям Райнов пронес через всю жизнь. Так, получив разрешение Лаппо-Данилевского (150-летие со

сдачу поверочного экзамена по греческому языку в течение 1912/13 учебного года. В одном из вариантов автобиографии, составленной в Комакадемии в 1935 г., имеется пояснение Райнова о том, что он «регулярно учиться не мог вследствие главным образом материальных причин. Выйдя в 1911 г. из числа студентов, сдал в 1915 г. государственные экзамены экстерном по юридическому факультету в Петербургском университете» (АРАН. Ф. 425. Оп. 2. Д. 197. Л. 5).

¹⁴ РГАЭ. Ф. 7285. Оп. 18. Д. 7285. Л. 10. Здесь же он писал, что в студенческие годы существовал уроками, переводами и т. п. Научной работой стал заниматься с 1910 г.

¹⁵ Научный архив Института истории науки и техники им. С. И. Вавилова РАН (НА ИИИТ РАН). Личное дело Т. И. Райнова.

дня рождения которого пришлось на 2013 г.), он посвятил ему свою статью: «К учению о суждении с точки зрения чистой логики», опубликованную в 1913 г. в «Вестнике психологии криминальной антропологии и педологии». Райнову принадлежит ценное свидетельство о значении для подготовки студентов семинарских занятий Лаппо-Данилевского, участие в которых «было и остается настоящей эпохой в умственном, в частности, – в научном их развитии и созревании»¹⁶. Эта цитата из статьи Райнова, посвященной анализу философских взглядов и педагогическим приемам Лаппо-Данилевского и написанной в связи с 25-летним юбилеем его научной деятельности в 1915 г. Пересылая учителю свою опубликованную статью, Райнов написал небольшое письмо, которое ниже воспроизводится полностью:

7/III 15.

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич!

Прилагаемая статья моя о Вас напечатана в мартовской книге «Журнала М. Н. Пр.», в отделе «Современная летопись». К сожалению, я должен был ограничиться в ней самыми общими чертами, частью по обстоятельствам времени и места, частью вследствие моей недостаточной компетенции в специальных вопросах «Методологии истории». Но отметить то значительное и ценное в Ваших философских взглядах и педагогических приемах, о которых я мог судить более компетентно, я счел своим долгом тем более, что именно специальная критика, вероятно, не коснется их с чисто-философской точки зрения. – Позвольте мне, по крайней мере – в частном письме, поздравить Вас с истекшим двадцатипятилетием весьма плодотворной научной деятельности и пожелать Вам, а также и нам, Вашим благодарным ученикам, дождаться следующей четверти века и приветствовать Вас с таким же почетным итогом научного творчества.

Лично я приношу Вам и свою горячую благодарность за все, чему я научился, работая в Вашем замечательном семинаре четыре года. Я хорошо помню свои первые опыты занятий под Вашим руководством, и мне легко по себе судить об огромном воспитательном значении этого руководства. Всего заметнее на меня повлияла строгость и отчетливость Вашей манеры мыслить и исследовать, Ваши постоянные указания на необходимость внимательно проводить различия между разнородными понятиями и относиться благожелательно ко всему ценному, в какой бы форме оно ни высказывалось. Я всегда буду помнить, чем обязан Вам, и смело буду утверждать, что мои занятия в Вашем семинарии были самым отрадным явлением в моей умственной жизни последних лет. Тем охотнее сознаю это и считаю верным, что и очень многие другие Ваши ученики разделяют это относительно себя.

Душевно преданный Вам Т. Райнов¹⁷

¹⁶ Райнов Т. И. О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского (к 25-летию ученой деятельности) // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 3. С. 57.

¹⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 113. Оп. 3. Д. 306. Л. 4–5.

Участники семинара А. С. Лаппо-Данилевского, 1914/15 уч. г. Сидят (справа налево) Н. Д. Кондратьев, А. С. Лаппо-Данилевский, О. А. Добиаш-Рождественская. Стоит (второй слева) Т. И. Райнов

Сохранились четыре письма Райнова к Лаппо-Данилевскому, из которых следует, что тот принимал деятельное участие в судьбе своего одаренного ученика¹⁸.

Когда вслед за Лаппо-Данилевским, ушел из жизни в 1920 г. Овсяннико-Куликовский, потрясенный утратой Райнов, находившийся в далеком селе Шестерне Херсонской губернии, отозвался пронзительным эссе:

Две тени

Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский (1853–1920) и Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) при жизни едва знали друг друга лично. Казалось, они были и очень непохожи друг на друга. И все равно в моей благоговейной памяти они как-то естественно выступают рука об руку. При большом несходстве, у них было и много общего, и как раз в том, во имя чего мы свято будем хранить память о них.

Вспоминается мило-некрасивое лицо Дмитрия Николаевича, то спокойно-задумчивое, то озаренное мягкой улыбкой, со словом снисхождения или добродушной шутки на устах. И рядом четкий лик Александра

¹⁸ Там же. Л. 6–7. В октябре 1918 г. Кондратьев в ответ на вопрос Лаппо-Данилевского писал: «...о Тимофее Ивановиче не имею никаких сведений» (*Кондратьев Н. Д.* Суздальские письма. М., 2004. С. 649).

Сергеевича, то сурово-сосредоточенный, то странно сморщенный смехом, со словом осторожности или стыдливого участия на строгих устах. Один прошел свой жизненный путь с доверием к миру и людям, не смущаемый неразрешимыми загадками и без сильных разочарований. Другой не столько созерцал, сколько испытующе всматривался в окружающее, полное для него трудных вопросов и таившее возможности непредвидимые. Творчество давалось Овсяннико-Куликовскому легко и походя: он был свободный адепт «радостной науки». Через муки внутренней борьбы шел к научным завоеваниям Лаппо-Данилевский, и был он строгим жрецом, аскетическим служителем бесконечно притязательного знания. Тревогу смущенной души один умерял в общении с великими художниками слова. Исход своим душевным волнениям другой искал в гармонических звуках и чарах музыки. Одного Вы могли застать отдыхающим за чтением псалмов, другого – в экстазе музыкальной игры, иногда в качестве композитора.

И все-таки многое сближало этих разных людей – и в их душевном облике, и в их деятельности. Оба были высокими представителями человекобожества. Мудро признавая неисследимые тайны мира и судеб, они гордо несли знамя человеческой неподзаконности. Они верили и жизнью запечатлели, что человек, ограниченный и не вечный, имеет право и должен мужественно пролагать свой собственный, им самим себе заданный, автономный путь в мире. Понимая историческую неизбежность конфессиональных религий, они не нуждались в подаваемых ими утешениях. И оба не искали в них опоры для великого слова и дела гуманности, внесенного в мир человеком. Понимание, сочувствие, сострадание и гармоническое сотрудничество людей стояли для них в мире силою собственного величия, покоряюще значимостью своей идеальности. Не будучи святыми, связанные, как все мы, житейской прозой и путями нужды, Овсяннико-Куликовский и Лаппо-Данилевский посылно претворяли их в жизнь, и сколько лиц, близких и далеких, могли бы засвидетельствовать, что это делалось ими всегда с тою щедростью духа, с тою готовностью творить добро без оглядки и счетов.

В своей деятельности оба они были философствующими учеными. Крупные авторитеты в разработывавшихся ими областях знания, Овсяннико-Куликовский и Лаппо-Данилевский брались за очередные задачи науки во всеоружии философской критики и самоотчетности. Критическая философия – хотя и по разному каждым понята – делала общеинтересными их специальные научные изыскания. В синтаксических и психологических работах Овсяннико-Куликовского она играет роль основы и фона в такой же степени, как в методологических и исторических трудах Лаппо-Данилевского. И если последний кажется больше философом, чем Овсяннико-Куликовский, это потому, что он больше пуританин в выражении своих взглядов, и там где Овсяннико-Куликовский философствует бессознательно, Лаппо-Данилевский стремится осветить сознанием каждый свой шаг.

Многочисленные ученики и почитатели обоих почивших ученых-мыслителей с благодарною любовью сохраняют память о них, и их страдальческие тени, нерадостно ушедшие от нас в эти многотрудные, трагические дни, будут являться им очищенными от всех недостатков и случайностей бренного существования, в ореолах святых нашего культурного пантеона.

Т. Райнов¹⁹

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 441. Карг. 3. Д. 4. Л. 1–4.

Начала творчества

Недостаток информации не позволяет адекватно объяснить (если не скатываться к банальным рассуждениям о необычайно ярком и мощном даровании Райнова) появление уже в 1911 г., т. е. в первые студенческие годы, всего через два года после окончания гимназии, вполне самостоятельной философской статьи «Лирика научно-философского творчества» в харьковском сборнике «Вопросы теории и психологии творчества».

В целом понятно, что первые литературные опыты создавались под руководством одного из любимых учителей Райнова – выдающегося литературоведа и литературного критика, лингвиста и публициста, профессора Санкт-Петербургского университета Д. Н. Овсянко-Куликовского. До перехода в 1905 г. в Санкт-Петербургский университет Овсянко-Куликовский – крупнейший представитель Харьковской лингвистической школы А. А. Потебни, начиная с 1888 г. он преподавал в Харьковском университете. Овсянко-Куликовский не прекращал контактов с Харьковом и, более того, именно он стал идейным руководителем неперiodического сборника «Вопросы теории и психологии творчества», который издавался в Харькове с 1907 по 1923 г. Инициатором, редактором и издателем этого сборника был ученик Овсянко-Куликовского литературовед Б. А. Лезин (1880–1942)²⁰, который считал, что консолидация усилий в изучении языка поэзии и прозы позволит проникнуть в загадки механизма развития человеческого мышления и творчества.

В сборнике публиковались работы В. Г. Короленко, Д. Н. Овсянко-Куликовского, филологов Ф. И. Буслаева и А. Л. Погодина, философов И. И. Лапшина, С. Л. Франка, П. К. Энгельмейера, литературоведов Е. В. Аничкова, А. И. Белецкого, М. О. Гершензона и др. В период 1911–1916 гг. у Райнова вышли здесь пять сочинений, в том числе «Введение в феноменологию творчества», «“Психология творчества” Д. Н. Овсянко-Куликовского. К 35-летию его научно-литературной деятельности», «“Обрыв” Гончарова как художественное целое», «Теория искусства Канта в связи с его теорией науки», причем последней работой, фактически монографией объемом в девять печатных листов, он спустя годы начинал список своих наиболее важных сочинений по истории науки²¹.

Другим изданием, в котором Райнов публиковался и где выступил главным образом с серией обзорно-аналитических рефератов²², был известный

²⁰ Б. А. Лезин в 1916–1925 гг. был постоянным корреспондентом Райнова: сохранились два с половиной десятка писем и почтовых открыток. Во время посещения Харькова в 1921 г. Райнов останавливался у него.

²¹ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 18. Л. 6. С началом публикации работ Райнова Е. Б. Рашковский связывал эволюцию тематики сборника «Вопросы теории и психологии творчества» от философско-теоретического и психологического осмысления наук о слове к осмыслению феномена научной деятельности как таковой, и потому Харьков определялся им как столица нарождавшегося русского науковедения. См.: *Рашковский Е. Б.* Науковедение и Восток. М., 1980. С. 32.

²² В период 1912–1914 гг. он опубликовал рефераты по проблемам современной постановки логического учения о суждениях, теории познания, выполнил обзор содержания международного ежегодника по философии культуры «Логос», рассмотрел труды А. Введенского, В. Виндельбанда, Э. Дюркгейма, И. Изорского, Н. Лосского и др.

журнал «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии», издававшийся в Санкт-Петербурге с 1904 по 1919 г. под редакцией академика В. М. Бехтерева и профессора В. С. Серебренникова. Наряду с оригинальными трудами по общей, экспериментальной и педагогической психологии, зоопсихологии, гипнотизму, криминальной антропологии и общественной психологии, здесь регулярно публиковались работы по фундаментальным философским проблемам, авторами которых выступали многие известные русские философы и социологи – Е. А. Бобров, К. Ф. Жаков, Ф. Ф. Зелинский, Н. О. Лосский, Л. А. Саккетти, Н. И. Кареев, П. А. Сорокин и др. Весьма часто в этом журнале публиковался близкий друг Райнова экономист Н. Д. Кондратьев, также прошедший школу Лаппо-Данилевского. Возможно, что дорогу в «Вестник...» Райнову проложил опять-таки Овсянико-Куликовский, который преподавал и в знаменитом бехтеревском Психоневрологическом институте.

В «Вестнике...» Райнов опубликовал большую работу под названием «Понятие чистой логики»²³. Исходя из положения в духе трансцендентальной логики И. Канта, что «...логика не может не быть “чистой”»: наука, лишенная ее чистоты, не является логикой [...] чистота логики выражает то, что ее предметом служит чистое знание», которое в свою очередь является «чистым» от мышления, Райнов последовательно рассмотрел отношение знания к мышлению, отношение знания к предмету и в завершающей части исследования писал о задачах, предпосылках и методе чистой логики. Именно эту работу Райнов и посвятил Лаппо-Данилевскому.

Таким образом, Райнов успел войти как равный в русский интеллектуальный мир эпохи культурного ренессанса как раз накануне его крушения. Перед революцией он имел прочный багаж из двадцати с лишним крупных работ, опубликованных, кроме вышеназванных, в таких авторитетных изданиях, как «Вестник Европы», «Журнал Министерства народного образования», в сборнике «Новые идеи в философии» и др.

Райнов, ни тогда, ни позже не искавший широкого круга знакомств, тем не менее для многих современников был авторитетным разносторонним исследователем, ученым-эрудитом, интересным и глубоким собеседником и корреспондентом. Общение с ним было значимо для таких разных людей, как Овсянико-Куликовский и Лаппо-Данилевский, Г. Г. Шпет и Н. Д. Кондратьев, П. А. Сорокин и Г. А. Челпанов, П. К. Энгельмейер и А. В. Васильев, а в дальнейшем – Дж. Сартон и Ф. Даннеман, В. И. Вернадский и В. Л. Комаров, Э. Л. Радлов и В. Ф. Асмус, В. П. Зубов и М. А. Гуковский, Н. И. Конрад и И. Ю. Крачковский, Л. С. Берг и Б. Е. Райков.

После окончания университета Райнов в 1916 г. был призван на военную службу и определен рядовым 1-го Пехотного запасного полка, расквартированного в Петрограде. Солдатская служба в полковой канцелярии была, видимо, не очень обременительна. Так, из письма, отправленного им 20 марта 1916 г. своей возлюбленной «дорогой Женечке» – врачу земской больницы

²³ Райнов Т. И. Понятие чистой логики // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипноза. 1914. Вып. 1. С. 9–40.

села Каменка Херсонской губернии и уезда²⁴ – становится известен распорядок дня рядового Райнова: утром читал газету, перечитывал О[всяннико]-К[уликовского], после обеда читал третью главу «Евгения Онегина», продолжал прерванное на днях чтение «Кап[итанской] дочки». «Сейчас, – Райнов отметил время, около 4 час. дня, – из трактира прислали мне кипятку, и во время чаепития буду еще читать Овсяннико-Куликовского – кое-что приходит в голову...»²⁵. Вечером, около 10 часов, он, продолжая письмо, отметил, что на службу можно являться позже 9 часов, поскольку дела там начинаются не ранее 10 часов. Отделенный от своей возлюбленной тысячами верст, он писал о том, как ему не хватает писем от нее, и что если придет письмо, «я воскресну, стану словоохотливее и богат мыслями»²⁶.

В архивном фонде Райнова хранится почтовая карточка, отправленная тому же адресату, но уже 20 марта 1917 г.:

Женечка[,] был у меня вчера вечером Н. Д. [Кондратьев]; рассказывал, что продовольствие налаживается. Скоро выйдет акт, преобразующий земство на демократических основах. Смотрит на события и будущее оптимистически, хотя начинает не очень возражать мне, когда я говорю, что, собственно, еще ничего «настоящего» не произошло²⁷. Остальное время я занимался. Жду от тебя письма, но напрасно пока²⁸.

После Октябрьского переворота, «от греха подальше», получив по зрению формальное освобождение от военной службы, Райнов уехал к жене, служившей врачом в селе Каменка Херсонской губернии.

Период жизни Райнова с конца 1917 по 1923 г. реконструируется в общих чертах на основании личных документов, хранящихся в фондах Архива РАН, Российского государственного архива экономики и Научного архива ИИнт РАН следующим образом.

На протяжении трех-четырёх месяцев, с конца 1917 по начало 1918 г., он прожил в селе Каменке и там перенес сыпной тиф, осложненный менингитом. Оправившись от болезни только в начале весны 1918 г., переехал с женой на место ее новой службы, в село Станислав, а затем спустя пол-

²⁴ Неясно, был ли в это время уже оформлен брак Райнова с Евгенией Борисовной Беньямович.

²⁵ ОР РГБ. Ф. 411. Карг. 14. Д. 18. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 2.

²⁷ Великий русский ученый-экономист, государственный и политический деятель, Н. Д. Кондратьев с 1905 г. был членом партии социалистов-революционеров. После Февральской революции он являлся секретарем А. Ф. Керенского по делам сельского хозяйства. В апреле 1917 г. Кондратьев участвовал в подготовке и работе I Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов, выступал на съезде с докладом по продовольственному вопросу; в июне 1917 г. его избрали товарищем председателя общероссийского Продовольственного комитета – центрального органа Продовольственной комиссии Совета рабочих депутатов. Делегированный Советом крестьянских депутатов, Кондратьев на Всероссийском демократическом совещании в сентябре 1917 г. был избран во Временный совет Российской республики (Предпарламент). 7 (20) октября 1917 г., т. е. накануне Октябрьского переворота, Кондратьев был назначен товарищем министра продовольствия Временного правительства.

²⁸ ОР РГБ. Ф. 411. Карг. 14. Д. 18. Л. 3.

тора-два месяца – в волостной центр село Шестерню той же Херсонской губернии. В 1918 и 1919 гг., по словам Райнова, он занимался сельским хозяйством, видимо, подрабатывал частными уроками, помогая жене в деле обеспечения амбулатории оборудованием, посудой, керосином и проч. Выезжал в Екатеринослав и Кривой Рог. В 1919 г., после установления в тех краях советской власти, он поступил на службу преподавателем обществоведения и социальной психологии²⁹ на Высшие педагогические курсы в Кривом Роге. Поскольку Шестерня находилась недалеко от места службы, в условленные для проведения занятий дни из Кривого Рога за Райновым присылались лошади. Так он прожил до 1923 г., до переезда в Москву. Безусловно, в эти годы, спасаясь вместе с женой от хаоса и бед гражданской войны, разрухи и голода, он постоянно занимался литературной работой, преимущественно в области литературоведения и психологии творчества.

Д. Н. Овсянико-Куликовский

Проживание в глуши, вдалеке от культурных и научных центров было для интеллектуала Райнова тяжким испытанием, и он при первой же возможности стал искать пути освобождения из этой добровольной «ссылки». Основным источником информации об этом периоде являются его письма к жене. Так, из письма от 25 июня 1918 г. становится известно, что в это время он находился в Одессе, где сначала поселился в гостинице «Венеция», а затем перебрался на дачу к Овсянико-Куликовским «на самом берегу моря, в зелени и на просторе». Попытки найти в Одессе место преподавателя не только в высших, но и в средних, включая частные гимназии, учебных заведениях оказались тщетны. Не помогали рекомендации и ходатайства ни Овсянико-Куликовского, ни председателя Общества народного университета профессора Н. Н. Ланге, ни других авторитетных людей. В Одессе, не испытывавшей дефицита в преподавателях, оказалось «много педагогов из Бессарабии и других мест, числящихся на службе, но не имеющих мест». Кроме поиска места Райнов был озабочен изданием своих трудов («Очерки русской философии», книга о Лаврове и др.), для чего он встречался с редакторами местных журналов и издательств, в том числе с кем-то из братьев Юшкевичей, Л. П. Гросманом и др.

По отношению к Одессе у Райнова сформировалось негативное, может быть не совсем справедливое отношение. Он писал:

²⁹ АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 311. Л. 99.

Одесса мне не нравится, город без головы, пустыня умственная, духовно – на манер разбитной светской дамы, которых я так не люблю. Питерская хмурая и деловая душа мне ближе, и ума там палата ³⁰.

В 1921 г. Райнов несколько раз посетил Харьков, в котором его хорошо знали и ценили, свидетельством чему служит предложение возглавить кафедру психологии и философии в создававшемся тогда Институте имени А. А. Потебни. Организатором этого института и председателем комитета по изданию сочинений Потебни был историк, член Украинской академии наук Д. И. Багалея (1857–1932), близкий друг Овсянико-Куликовского. 3 августа Райнов писал жене:

Город хороший, масса зелени, кафедра меня устраивала бы, можно было бы добиться твоего перевода [...] Но пока что здесь довольно мертвенная дух[овная] жизнь, особенно научная. Напр[имер,] негде печатать здесь Потебню, и печатание переносится в Одессу. Книг почти не издается и пр[оф]. Багалея просил меня посвятить его книгу об укр[аинском] философе Сковороде «Колосу» в Петербурге, здесь же будет выходить украинский текст. Проф. [И. Г.] Риттер преемник Ов[ьянико]-К[уликовского] по кафедре языка и санскрита, тоже дает мне аналогичное поручение к акад. [С. Ф.] Ольденбургу в Питере. Видишь, как плохо здесь в смысле печатания. Но посмотрим, что в Питере. А вообще-то мне кажется пока, что нужно будет подождать с переездом (подчеркнуто Райновым. – С. И.), боюсь голода, очень реальной опасности. Ну, мы еще подумаем и посоветуемся. Да? ³¹

В том же 1921 г. Райнов предпринимал усилия по переезду в Петроград и, видимо, посещал этот город. 5 сентября 1922 г. в письме к вдове своего учителя Ирине Львовне Овсянико-Куликовской он писал: «Через месяц, а м. б. и раньше я буду в Питере, где надеюсь бросить якорь, и тогда я сочту своим долгом принять посильное участие в издании соч[инений] Д. Н. [Овсянико-Куликовского]» ³². По каким-то причинам это проект также не был реализован. Между тем ситуация в Кривом Роге становилась невыносима. «Ненастоящий город», по словам Райнова, стремительно покидали друзья, сослуживцы и просто знакомые. Наконец, к весне 1923 г. ситуация решительно изменилась: определилась дорога в Москву и предстояло «ринуться в океан новой жизни».

Райнов в Москве

К сожалению, видимо, не сохранилась переписка Райнова с Кондратьевым, но, судя по последующим событиям, именно он помог своему давнему, еще университетских лет, другу. Кондратьев после вынужденного прекращения

³⁰ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 14. Д. 18. Л. 5–10. Возможно, в своей оценке Райнов верно почувствовал близкое будущее этого города. Как известно, в 1921–1922 гг. Одесса испытала великий исход творческой интеллигенции, в числе которой были и историки науки, такие как С. Л. Соболев и А. П. Юшкевич.

³¹ Там же. Л. 20 об.

³² ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 14. Д. 29. Л. 1 об.

политической деятельности вышел из рядов партии социалистов-революционеров, переехал в 1918 г. в Москву и полностью сосредоточился на научно-педагогической деятельности и государственной службе. Он занимал многочисленные должности в Наркомземе, Наркомфине, Госплане и стал также основателем и первым директором получившего международную известность Конъюнктурного института.

Прочитав последнюю лекцию об идее эволюции и революции в современной науке, Райнов под восклицания слушателей «Слава!», сопровождаемые «нечленовредительным качанием»³³, навсегда распрощался с Кривым Рогом и 17 марта 1923 г. в четверть третьего часа дня прибыл в Москву. Здесь на первых порах Райнов поселился в большой казенной квартире Кондратьевых при Конъюнктурном институте; за дверью его комнаты находилась институтская библиотека в 50 000 томов, о чем он тут же по приезде сообщил жене.

Письма Райнова жене из Москвы в Шестерню, относящиеся к периоду с марта по май 1923 г., представляют исключительный интерес не только для интересующихся научной и частной жизнью ученого, они содержат бесценную информацию о том странном времени, когда в столицу устремились массы людей из городов и весей бывшей Российской империи, в составе которых заметную прослойку составляли яркие представители южнороссийской интеллигенции. В этих документах имеется уникальная информация о Кондратьеве, отдельные штрихи к биографиям Ф. Витязева (Ф. И. Седенко), А. Г. Габричевского, Г. Г. Шпета и др., но останавливаться подробнее на содержании писем в рамках данной статьи нет возможности; как исторический источник они представляют собой отдельный, самостоятельный интерес. Отмечу только, что на основании этих документов можно проследить, как менее чем за три месяца Райнов при дружеской протекции Кондратьева смог устроиться на интересную и экономически выгодную работу сначала в Наркомзем, а затем в Наркомфин; параллельно его определили заведующим справочно-библиографическим отделом в Социалистической (Коммунистической) академии, куда он попал по дополнительной рекомендации самих Ю. Л. Пятакова и Е. А. Преображенского; затем заочно по рекомендации Шпета был избран в Государственную академию художественных наук (ГАХН); тем же Пятаковым включен в редакцию журнала «Социалистическое хозяйство». Райнову удалось также в основном успешно «продвинуть» накопившиеся рукописи своих произведений, главным образом через кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» при посредничестве давнего знакомого Ферапонта Витязева.

За это же время, не стремясь к широким литературным знакомствам, Райнов объединил вокруг себя группу философов, состоящую из Г. Г. Шпета, С. Ф. Кечекьяна, П. Х. Кананова, А. Л. Сакетти; был «еще один вольный философ, ученик Зиммеля, советник итальянской миссии и сам итальянец, но говорящий хорошо по-русски. Будет и еще кое-кто – когда лучше осмотрюсь». И далее, шутя, продолжал, отчитываясь перед женой: «А пока что среди нас – ни одного русского: 2 армянина, 2 итальянца и я болгарин. Надо бы еврея

³³ ОР РГБ. Ф. 441. Карг. 14. Д. 18. Л. 25.

и русского!»³⁴ Такой компанией собирались в доме у Райнова; известна по крайней мере одна тема обсуждения – разработанная им теория характера.

И еще одно, едва ли не самое главное дело, определяющее более или менее нормальную жизнь, удалось сделать Райнову. Он за эти три месяца совершил почти невозможное в московских реалиях тех лет – решил квартирный вопрос, найдя себе жилище по адресу: Пименовская улица, Ново-Воротниковский переулок, дом № 4. Здесь Райнов и прожил с женой и сестрой почти все отведенные ему судьбой годы.

Все эти сюжеты наполняют весенние письма двадцать третьего года Тимофея Ивановича Райнова к жене Евгении Борисовне Беньямович (Райновой).

На творчество Райнова, на изменение тематики его исследований практически непосредственное воздействие оказывал каждый эпизод, каждое жизненное движение. Так, с работой в Комакадемии связано появление цикла публикаций историко-социологических очерков под названием «Отчуждение действия». В этом труде, опубликованном в 1925–1926 гг. в трех выпусках «Вестника Коммунистической академии», представлена попытка описания, анализа и объяснения наблюдавшейся в науке, философии, искусстве и практике конца XIX и первых десятилетий XX в. тенденции понимать человеческую деятельность в отрыве от ее живого носителя, как цепь обездушенных процессов. Позднее, в 1932–1936 гг., он опубликует полтора десятка статей в журнале «Социалистическая реконструкция и наука» (СОРЕНА), среди которых были как аналитические обзоры новейшей литературы по науковедению и истории науки, так и оригинальные постановочные работы, такие, например, как «О типе разностороннего ученого» и др. Публиковался он и в других ведущих изданиях того времени.

Следует отметить, что с конца двадцатых и особенно в тридцатые годы творчество Райнова все более и более переходило в область изучения истории знаний. Причины такого движения, с одной стороны, были внешние: прежде всего социальный заказ на разработку (марксистской) истории науки и введение предмета «История науки и техники» в практику преподавания в высшей школе, а также процесс создания специализированных профессиональных исследовательских центров (КИЗ – ИИНТ АН СССР, Комиссия по истории техники, соответствующие структуры Комакадемии, кафедры в ряде вузов и т. д.). С другой стороны, история науки для такого полигистора, каким был Райнов, открывала достаточно широкие перспективы продолжения профессионального интеллектуального существования, в то время как занятия философией и психологией идеалисту, как о нем писали в тогдашней литературной энциклопедии, были заказаны и могли проводиться только подспудно.

Точно так же рождение работы Райнова «Волнообразные колебания творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики XVIII и XIX веков», опубликованной в *Isis* в 1929 г., непосредственно связано с сотрудничеством с Кондратьевым и службой в его Конъюнктурном институте. На этот факт почему-то до сих пор никто не обратил внимания, хотя все, кто знакомился со статьей Райнова, испытывали удивление и даже недоумение, не понимая происхождения замысла данной пионерской работы.

³⁴ Там же. Л. 48 об.

Н. Д. Кондратьев (сидит: второй ряд, пятый слева) среди сотрудников Конъюнктурного института. В том же ряду, второй справа – Т. И. Райнов, 1927 г.

Напомню, что по приезде в Москву Райнов поселился в квартире Кондратьева, где прожил до середины апреля 1923 г. События проходили в следующей последовательности.

23 марта 1923 г. Райнов, уверенно ведомый по московской жизни Кондратьевым, был оформлен сначала научным сотрудником при Плановой комиссии НКЗ СССР с окладом до двух миллиардов рублей в месяц (плюс паек). Его работа заключалась в приведении в правильный юридический вид подготовленных другими специалистами наркомата государственных распорядительных документов. На службу он являлся не ранее двенадцати часов и уходил в три, максимум в четыре часа. Поэтому утром ему удавалось читать, вечером тоже, если не велись «ученые беседы» с чрезвычайно загруженным делами Кондратьевым; оставалось достаточно времени и на письма-отчеты жене, и на литературную работу. Так, рано поутру 29 апреля Райнов, уже неделю проживая в своей квартире, среди прочих новостей сообщал жене, что в ближайшую пятницу планируется совместный доклад с Кондратьевым в его институте «о проблеме ценности, я – с точки зрения субстанции и процесса в развитии этого вопроса»³⁵. Однако положение Кондратьева в Наркомземе ставилось все более непрочным, и вскоре вслед за ним в начале мая Райнов покинул это учреждение и занял место научного сотрудника знаменитого Конъюнктурного института при Наркомфине СССР.

³⁵ Там же. Л. 54 об.

В 1925 г. Райнов стал ученым секретарем Конъюнктурного института. В 1927 г., когда положение института и его директора в связи с общей внутривнутриполитической обстановкой в стране резко изменилось, а направления проводимых там исследований стали оцениваться официальными органами как «буржуазные», прошла аттестация сотрудников, по результатам которой Райнова перевели на должность научного сотрудника 2-го разряда³⁶. 1 июля 1928 г. последовало его исключение из списков НКФ СССР в связи с переводом института в ЦСУ СССР, а вскоре приказом от 23 июля 1928 г. Райнов был полностью выведен из штата института.

Фрагментарность сохранившейся части архивного фонда Конъюнктурного института не позволяет сколько-нибудь объемно описать деятельность Райнова в этом замечательном учреждении. Известно, что за ним в программе работ института на 1925–1927 гг. была закреплена тема «Проблема равновесия в хозяйственной динамике»³⁷. По теории экономического равновесия Райнов успел опубликовать два этюда (недавно переизданные в сборнике «Избранные труды кондратьевского Конъюнктурного института» (М., 2010), в которых критически проанализированы попытки ученых XIX–XX вв. трактовать хозяйственную деятельность по аналогии с понятиями и принципами теоретической механики³⁸.

Для Кондратьева общение с Райновым, совместное обсуждение актуальных проблем теоретической экономики в широком контексте развития мировой научной мысли и культуры, судя по всему, также имело существенное значение. Об этом, в частности, свидетельствуют слова признательности за помощь и ценные указания ряду коллег по Конъюнктурному институту, в том числе Райнову, которые Кондратьев написал в последней опубликованной при жизни работе «Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров»³⁹. Еще более четко «след» Райнова заметен в интереснейшей теоретической статье Кондратьева «Проблема предвидения», не утратившей своего значения до настоящего времени. Здесь Кондратьев особо выделял помощь своего друга:

Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую признательность всем сотоварищам по работе в Конъюнктурном институте, в особенности Т. И. Райнову, Н. С. Четверикову и Е. Е. Слуцкому, обмен мыслями

³⁶ В личном деле Райнова имеется итоговое заключение по результатам аттестации (совершенно секретная «Ведомственная деловая оценка ответработников»), в котором, в частности, отмечено: «По роду своей работы выполняет специальные научно-методологические работы, связанные с теорией конъюнктуры. Свое дело знает, но ленив. Плохой руководитель работ и администратор. Не марксист. Аполитичен». Это заключение было подписано 22 мая 1928 г. и послано в ЦСУ (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 18. Д. 7285. Л. 14).

³⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1248. Л. 40 об.

³⁸ Райнов Т. И. К вопросу о природе экономического равновесия (проблема равновесия в экономике и классической механике) // Вопросы конъюнктуры. 1927. Т. 3. Вып. 1. С. 93–114, 164–165; Райнов Т. И. Рыночное равновесие как вариационная проблема // Вопросы конъюнктуры. 1928. Т. 4. С. 86–120, 184–187.

³⁹ Это произведение увидело свет в сборнике «Вопросы конъюнктуры» (1928. Т. 4. Вып. 1. С. 1–85). См.: Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М., 2002. С. 401.

с которыми оказал ему незаменимую помощь при составлении настоящей статьи⁴⁰.

И в справочном аппарате, и в содержании статьи, построенной на обширном историческом и историко-научном материале, как нигде отчетливо прослеживается влияние Райнова. Как уже говорилось, и он, и Кондратьев были учениками Лаппо-Данилевского. В статье, посвященной проблемам прогноза, рассматривались вопросы методологии и теории исторического познания, значение исторических источников в исторических реконструкциях в русле идей Лаппо-Данилевского с соответствующими ссылками на его труды. Отталкиваясь от идей своего учителя, Кондратьев, анализируя ситуацию, когда при изучении прошлого полностью отсутствуют *«непосредственные, изображающие источники»*, т. е. остатки событий и имеются лишь данные *«косвенно обозначающие событие»*, проводит тонкое различие между такими методологическими познавательными категориями, как описание и воспроизведение / конструирование событий прошлого. Тем не менее осознавая принципиальное различие между воспроизведением и прогнозом событий, находя между ними логическое родство, автор утверждает: *«Воспроизведение есть своего рода ретроспективный прогноз»*⁴¹.

Столь же плодотворным кажется обратное идейное влияние Кондратьева на творчество Райнова⁴². Именно идеи Кондратьева по динамике больших экономических циклов и возможность их применения в качестве познавательной модели к другим научным областям и навели Райнова на мысль рассмотреть большие циклы в динамике научных открытий на материале развития физики XVIII–XIX столетий. Очевидно, последним импульсом для Райнова послужила работа его коллеги по Конъюнктурному институту экономиста,

⁴⁰ Там же. С. 509. Статья «Проблема предвидения» впервые была издана в 1926 г. в «Вопросах конъюнктуры».

⁴¹ Там же. С. 516.

⁴² Там же. С. 515–516. Тема «Т. И. Райнов и Н. Д. Кондратьев» выходит за пределы данной статьи и требует отдельного рассмотрения. Здесь отмечу только, что в тюремных «Суздальских письмах» Кондратьева к своей жене то в открытой, то слегка зашифрованной форме («Тимоша», «Т. И.», «Тимофей Иванович», «Тим. Ив.») рефреном звучит имя Райнова, через которого он получал необходимую новую научную литературу. См.: *Кондратьев Н. Д. Суздальские письма*. М., 2004. С. 58, 63, 64, 263, 351, 370, 413, 444, 483. Райнов при публикации своей работы «К вопросу о природе экономического равновесия» в примечании отметил: «Приношу искреннюю благодарность коллегам по Конъюнктурному институту: А. Л. Вайнштейну, И. Н. Жирковичу, Н. Д. Кондратьеву, Е. Е. Слуцкому и Н. С. Четверикову, критика которых была мне чрезвычайно полезна при разработке настоящего очерка» (Вопросы конъюнктуры. 1927. Т. 3. Вып. 1. С. 93). В следующей работе «Рыночное равновесие как вариационная проблема» автор благодарил Н. С. Четверикова и И. С. Гладштейна «за полезные для меня указания в некоторых математических вопросах». Характерно, что редакция сборника отмежевалась от позиции Райнова, заявив в примечании: «Считая правильными возражения автора против отождествления понятия равновесия в механике и экономике, редакция считает положительную конструкцию понятия рыночного равновесия и экономического максимума, даваемую автором, в корне неверной». (Вопросы конъюнктуры. 1928. Т. 4. С. 86). Эта статья была написана в октябре 1927 г., в январе следующего года сверстана, но выход сборника задержался до конца мая, пока она не была, как сообщал Райнов в письме Вернадскому, «пропущена особой “внутренней” цензурой, просматривающей труды Конъюнктурного института» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1349. Л. 6).

Н. Д. Кондратьев (сидит справа) с женой Е. Д. Кондратьевой (за ним) и родственниками. Слева – Т. И. Райнов

математика, статистика, одного из основателей эконометрического метода Е. Е. Слуцкого (1880–1948) «Сложение случайных величин как источник циклических процессов», обнародованная в 1927 г. Именно на нее ссылался в самом начале своей статьи Райнов, отмечая, что

Е. Е. Слуцкий обнаружил, что такие ряды коррелятивно связанных последовательностей случайных причин, развиваясь, дают волнообразное распределение значений. Например, вначале они постепенно растут, затем, также постепенно, они начинают убывать, чтобы потом опять испытать более или менее равномерное увеличение и т. д., и все это несмотря на тот факт, что ряды в целом могут иметь некоторую общую тенденцию, касающуюся всех их составных частей и вынуждающую сами эти ряды изменяться в некотором определенном направлении. Эти общие соображения можно легко применить к разбираемому вопросу⁴³.

⁴³ Цитируется по: *Райнов Т. И.* Волнообразные колебания творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики XVIII и XIX веков // Избранные труды Кондратьевского Конъюнктурного института. М., 2010. С. 147. Перевод с английского П. Н. Клюкина, более точный и полный, чем ранее изданный в «Вопросах истории естествознания и техники» (1983. № 3, С. 63–80) перевод В. Н. Катасонова.

Т. И. Райнов – В. И. Вернадский. **Эпизод первый: КИЗ и начало наукометрии**

Судя по всему, работа Райнова была завершена к 1928 г. Но опубликовать ее в трудах Конъюнктурного института было уже поздно – 19 апреля 1928 г. Кондратьев оказался отстраненным от должности. Райнов, отчетливо понимая, что после этого и его пребывание в институте будет недолгим, начал искать иные возможности ее публикации. 14 июня 1928 г. он подписал договор с Секцией естественных и точных наук Комакадемии в лице заместителя заведующего С. Г. Левита, согласно которому Райнов обязывался к 20 июня представить полностью готовую рукопись «О колебаниях творческой продуктивности в области физики за время с 1771 г. по 1900 г.» размером около 10 печатных листов. Важно отметить, что автор обязывался не публиковать означенную работу ни в СССР, ни за границей до появления ее в печати в издании Комакадемии⁴⁴. Еще раньше Райнов решил установить контакт с Комиссией по истории знаний АН СССР для возможного продвижения своего труда там. 4 апреля 1928 г. он написал письмо Вернадскому с просьбой дать ему возможность выступить на заседании КИЗ с докладом о результатах выполненного им исследования по истории физики. Это письмо свидетельствует о том, что ранее пути автора письма и адресата не пересекались и, что еще более важно, письмо содержит достаточно развернутую авторскую аннотацию, поясняющую смысл работы по анализу волнообразных колебаний творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики за XVIII и XIX вв. Поэтому представляется целесообразным привести текст документа полностью:

7/IV 28

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Разрешите мне обратиться к Вам с настоящим письмом, невзирая на то, что я, к сожалению, не имею чести быть с Вами лично знакомым.

Дело касается заканчиваемой мною работы по истории физики, – круга вопросов, к которым Вы имеете ближайшее отношение как председатель Комиссии по истории науки.

В связи с моей научно-исследовательской работой в здешнем Конъюнктурном институте мне пришлось заняться вопросом о возможном существовании колебаний в творческой продуктивности в истории физики, преимущественно в XIX в. Для разрешения [Л. 1 об.] этого вопроса я попытался составить статистику научных открытий в Англии, Франции и Германии в основном с 1770 по 1900 гг., а отчасти и за период XVII–XVIII в. Получившийся довольно богатый статистический материал был подвергнут обработке методами математической статистики двумя моими помощниками⁴⁵ – математиками под руководством известного математика и статистика Н. С. Четверикова (ближайшего ученика А. А. Чупрова). Выделив в полученных рядах т. наз. «вековую тенденцию», мы получили

⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 3. Л. 2.

⁴⁵ Вычисления были сделаны О. В. Гордон и М. Л. Курашевой с помощью статистика Н. С. Четверикова (брата биолога С. С. Четверикова). См.: Избранные труды Кондратьевского Конъюнктурного института... С. 146, 669.

весьма интересный результат (бросающийся в глаза и при анализе одних даже сырых, эмпирических рядов). Оказалось, что в каждой из упомянутых стран в течение XIX в. творческая продуктивность развивалась, между прочим, в виде 3–4 крупных волн, порядка нескольких десятилетий каждая. Причем между [Л. 2] волнами во всех 3 странах существует довольно удовлетворительное согласие. Анализ обнаруживает и некоторые другие черты в движении числа открытий, в частности, в XVII–XVIII вв. Кроме того, оказывается еще, что между найденными нами волнами в научном творчестве и – между т. наз. «большими хозяйственными циклами» существует любопытная связь. Именно, почти всегда в период восходящих ветвей больших ⁴⁶ хозяйственных волн, т. е. в период длительного оживления хоз[яйственной] жизни творческая продуктивность понижается, но она испытывает подъем в период нисходящих ветвей больших хоз[яйственных] циклов. Иначе говоря, зависимость здесь (почти всегда) не прямая, а обратная. Замечу, что именно отыскание этой связи и было условием постановки моей работы в экономическом учреждении, каким является Конъюнктурный [Л. 2 об.] институт. В экономике последних 6–8 лет довольно оживленно разрабатывается вопрос о существовании больших волн хозяйственной конъюнктуры (порядка нескольких десятилетий), и моя работа частично касается этого вопроса.

Мне с самого начала проблема волн в творческой продуктивности представлялась интересной и в плоскости соц[иальной] психологии творчества и истории науки.

Вот почему я обращаюсь к Вам с настоящим письмом и позволяю себе высказать след[ующую] просьбу:

Поскольку акад[емическая] Комиссия по истории науки устраивает, вероятно, заседания для заслушивания докладов, не найдет ли она возможным разрешить и мне доложить о выполненной мною работе (с приведением необходимых доказательств, демонстрированием диаграмм и проч.)? Участие в комиссии [Л. 3] нескольких уважаемых знатоков истории науки позволяет мне надеяться, что при обсуждении моего доклада, если он состоится, я смогу получить некоторые компетентные замечания и указания, за которые я был бы чрезвычайно признателен.

Может быть, Вы не сочтете излишним сообщить Вам нескольких личных обо мне сведений в дополнение к вышесказанному.

Я по специальности – философ и ученик покойного А. С. Лаппо-Данилевского, в семинаре которого (по методол[огии] истории) ⁴⁷ я в свое время проработал 5 лет. В течение ряда лет я стоял очень близко к изданию известных «Вопросов теории и психологии творчества», где помещены и некоторые мои работы по теории творчества. В течение последних 2–3 лет я много занимался вопросом о соотношении между экономической и физич[еской] теориями равновесия. Плодом [Л. 3 об.] этих занятий явились две специальные работы. Одна из них вышла в 1927 г., другая, составляющая ⁴⁸ предварительное завершение моего исследования, уже ⁴⁹ сверстана, но цензура пока задерживает выпуск издания, в которое она входит. Поэтому я, к моему сожалению, не могу Вам прислать всей рабо-

⁴⁶ Слово «больших» вписано над строкой.

⁴⁷ Слова в скобках вписаны над строкой.

⁴⁸ Далее зачеркнуто одно слово неразб.

⁴⁹ Далее зачеркнуто слово «набра».

ты и должен ограничиться только присылкой первой ее части. – Должен прибавить еще, что я хорошо известен Э. Л. Радлову, с которым мне приходилось часто видеться (и писать в редактировавшихся им изданиях) до революции⁵⁰.

Если комиссия сочтет возможным удовлетворить мою вышеизложенную просьбу, я мог бы приехать в Ленинград для прочтения доклада в момент, о котором можно было бы предварительно сговориться.

Позвольте мне засвидетельствовать искреннее к Вам уважение и остаться готовым к Вашим услугам.

Т. Райнов⁵¹

Не получив быстрого ответа (письма между Москвой и Ленинградом проходили в течение одного, максимум нескольких дней), Райнов обратился за содействием к своему еще с дореволюционных лет знакомому философу, члену-корреспонденту АН СССР Э. Л. Радлову. Содержание письма к Радлову было близким письму к Вернадскому:

19/ IV 28

Глубокоуважаемый Эрнест Львович!

Недавно я с удовольствием прочел Вашу интересную статью о Бере⁵² – с удовольствием потому, что она свидетельствует о Вашей неугасающей умственной активности, а также потому, что она трактует вопрос из круга тех, которыми занимаюсь и я: историей естествознания. Узнав случайно, что Вы имеете и организационное отношение к Комиссии по истории знания при Академии наук, состояя ее вице-председателем, я сообразил, что все это, вместе взятое, оправдывает до некоторой степени просьбу, с которой [Л. 1 об.] я позволю себе обратиться к Вам по старой памяти.

Дело в том, что я закончил работу по истории физики, задачей которой было изучить статистически колебания творческой продуктивности в области физических открытий в XIX в., а также, в меньшей степени, в XVII–XVIII вв. Мне удалось обнаружить, что эти открытия шли волнообразно, укладываясь в крупные циклы порядка нескольких десятилетий, причем в течение XIX в. волны становятся короче по времени, но в то же время – резче, интенсивнее. Это имеет место в Англии, Франции и Германии. Между этими значительными колебаниями творческой продуктивности в трех странах существует прекрасное соответствие. И далее, мне удалось [Л. 2] заметить и наглядно это показать, что между колебаниями творческой продуктивности в истории физики и между ритмом одновременной им хозяйственной жизни существует совершенно определенное отношение, именно – обратное: подъему творчества соответствует хозяйств[енная] депрессия, и наоборот – при хозяйств[енном] подъеме наступает творческое оскудение. Эти и ряд других относящихся сюда наблюдений

⁵⁰ Э. Л. Радлов с 1899 г. был редактором «Журнала Министерства народного просвещения».

⁵¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1349. Л. 1–3 об. Ранее с незначительными отличиями этот документ был опубликован С. Р. Микулинским. См.: *Микулинский С. Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988. С. 379–380.

⁵² Очевидно, статья Радлова «К. М. фон Бэр как философ», опубликованная в: Первый сборник памяти Бэра // Труды Комиссии по истории знаний. Л., 1927. Вып. 2. С. 60–71.

выполнены методами достаточно корректными, во-первых, потому, что я имел возможность пользоваться сотрудничеством опытных математиков-статистиков, во-вторых же, потому, что поставленная мною сложная контрольная работа вполне подтвердила мои выводы.

Предполагая, что все это представляет [Л. 2 об.] некоторый интерес для лиц, занимающихся историей физики и вообще естественных наук, я осмеливаюсь просить Вашего любезного содействия в деле постановки соответствующего моего доклада в Академической комиссии, которую возглавляет Вл. И. Вернадский. Я, с своей стороны, уверен, что мне будут весьма полезны указания и замечания, которые могут быть высказаны членами комиссии при обсуждении доклада. Если бы это устроилось, я приехал бы в Питер для прочтения доклада.

Простите, дорогой Эрнест Львович, что я затрудняю Вас этой просьбой. Я, однако, считал бы недопустимым, чтобы ее выполнение возложило на Вас какие-либо особые хлопоты, и поэтому прошу Вас в таком случае отказать мне без всякого стеснения.

[Л. 3] Мы давно с Вами не переписывались, хотя я по возможности стараюсь быть в курсе Вашей жизни и работы, насколько меня об этом осведомляют друзья из П[итера]. Я был бы очень рад, если бы Вы нашли несколько минут, чтобы написать мне о себе и о том, чем Вы теперь заняты.

Что касается меня, я уже сообщил об этом, и мне остается еще прибавить, что я все годы жизни в Москве (с 1923 г.) служу с переменным успехом и преданно занимаюсь научной и философской работой, стараясь, по возможности, укладывая эти занятия в формы и рамки, допускаемые временем.

В надежде получить от Вас несколько слов остаюсь преданным и уважающим и всегда любящим Вас

Т. Райнов⁵³

Радлов ответил незамедлительно. В почтовой открытке, отправленной из Ленинграда 23 апреля и полученной 24 числа в Москве, он писал, что информировал Вернадского о просьбе выступить с докладом, из которого следует, иронизировал Радлов, что «чем хуже живет ученый, тем это лучше для наук»⁵⁴. Вскоре после этого и Вернадский дал ответ Райнову, сообщив при этом, что Радлову им дано поручение уточнить день заседания, которое планируется на осень. Это письмо Вернадского, видимо, не сохранилось, зато в его фонде имеется ответ Райнова, ценность которого заключается не только в самом факте общения двух крупнейших русских историков научных знаний. Райнов, заинтересованный в контактах с ведущей в стране профессиональной группой ленинградских историков науки, информировал своего корреспондента о существовании в Москве внутри Комакадемии аналогичной структуры.

В этом письме после слов благодарности за ответ и присланные Вернадским отписки своих статей, с которыми, отметил Райнов, «я ознакомился уже раньше», он выразил сожаление о переносе планируемого доклада на осень.

⁵³ СПФ АРАН Ф. 1052. Оп. 1. Д. 44.

⁵⁴ ОР РГБ. Ф. 441 Райнов. Карт. 15. Д. 74.

Он пояснил, что в настоящее время готовит текст своей работы для печати, и замечания, высказанные членами КИЗ, были бы весьма полезны. Далее он писал:

Не знаю, осведомлены ли Вы в каком-либо порядке (официальном или частном) о возникновении здесь, в Москве, новой ячейки, ставящей себе целью содействие разработке истории науки своими собственными трудами и организационными мероприятиями. Я не стою ни в каком официальном отношении к ней, но связан с нею своей работой, и потому кое-что о ней знаю. И м. б. Вам, если Вы не получили уже соответствующей информации другим путем, было бы интересно получить в частном порядке несколько сведений о новом начинании.

Это кабинет по истории науки, возникший осенью 1927–28 г. в составе Секции точных наук при Коммунистической академии. Председателем организации состоит некто М. Л. Левин, коммунист и биолог, но неплохо осведомленный [Л. 5] в истории науки вообще. Кроме него есть еще 4 науч[ых] сотрудника, из которых 3 биолога (Агол, Новиков, Ежиков – последние 2 беспартийные) и 1 математик (Выгодский). Кабинет предполагает работать в соответствии с широкой программой работ, напечатанной в одной из зимних (? – С. И.) книжек «Вестн. Коммун. Академии». В ближайшее время будут вестись и частью ведутся подготовительные работы: комплектуется соответствующий отдел библиотеки Ком. Акад., составляется сводный каталог литературы по истории науки, имеющейся в крупных библиотеках, причем позднее предполагается расширить этот каталог, включив в него материалы, имеющиеся в Питере и в провинции. Намечаются также и некоторые другие библиографич[еские] работы, а также издание комментированных переводов классиков естествознания и математики. Располагая некоторыми средствами, кабинет [Л. 5 об.] охотно привлекает к сотрудничеству и лиц, не входящих в состав его служебного персонала. Такие лица имеются здесь, в Москве, а также, кажется, и за границей, среди немецких историков естествознания. В частности, кабинет весьма сочувственно отнесся и к моей работе, ассигновал мне некоторую сумму на проведение дополнительных вычислений и чертежных работ и в дальнейшем предполагает финансировать продолжение моего исследования и напечатать его законченную часть. Если я не ошибаюсь, кабинет вступил в связь и с другим приватным (относительно кабинета) исследователем, Зубовым, который, занимаясь историей оптики, составил обширную аннотированную библиографию первоисточников и литературных материалов по истории оптики с древности и до XVIII в.

Вероятно, настанет момент, когда между этой новой организацией и Вашей комиссией возникнут [Л. 6] (если уже не возникли – я не в курсе) какие-либо связи⁵⁵.

Шло время, наступила середина осени, но вопрос с докладом в КИЗ так и не решался. Райнов спешил и 11 октября, решив напомнить о себе, отправил Радлову новое письмо, в котором просил заблаговременно сообщить о намечаемом времени заседания, поскольку он, связанный службой,

⁵⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1349. Л. 4 об.–6.

мог бы приехать в «Питер» не более чем на 2–3 дня⁵⁶. Наконец, 23 ноября Райнов получил официальное, на бланке, письмо от ученого секретаря КИЗ М. М. Соловьева, датированное 19 числом, в котором предлагалось окончательно согласовать дату выступления в пределах 15, 16 и 22 декабря. Заседания КИЗ проводись либо по субботам в 19-00, либо по воскресеньям в 14-00. Тут же Райнов написал Вернадскому письмо с просьбой поставить доклад на 15 декабря.

16 декабря 1928 г. в Ленинграде по хорошо известному академическому адресу – Университетская набережная, дом № 5 – состоялось долгожданное для Райнова заседание КИЗ, на котором слушался его доклад «Колебания творческой продуктивности в западноевропейской физике XVIII и XIX вв.». В прениях участвовали В. И. Вернадский, М. А. Блох, О. Е. Звягинцев, Д. П. Цинзерлинг, Б. П. Вейнберг, В. Я. Курбатов. Кроме означенных лиц на заседании присутствовали Л. С. Берг, А. А. Гизетти, К. Я. Грот, Дроздецкий, Б. Л. Личков, С. М. Лукьянов, Н. Н. Михайловский, И. Молчанов, Э. Л. Радлов, М. М. Соловьев и Д. Н. Халтурин⁵⁷. К сожалению, содержание дискуссии не известно, а в постановлении заседания просто отмечено: благодарить докладчика.

Пока не удалось установить, успел ли Райнов к означенному договором с Комакадемией сроку подготовить рукопись «О колебаниях творческой продуктивности в области физики за время с 1771 г. по 1900 г.» в объеме 10 авторских листов. Но так или иначе действие контракта завершалось 15 сентября 1928 г., и, очевидно, по истечении этого срока Райнов обратился к редактору международного историко-научного журнала *Isis* Дж. Сартону. Когда это произошло, в точности не известно, но уже 23 декабря Сартон послал ответное письмо, в котором сообщал о принятии статьи к публикации⁵⁸. Англоязычный вариант статьи, завершение работы над которой помечено автором ноябрем 1928 г.⁵⁹, имел следующее заключение, свидетельствующее о намерении автора продолжать исследования в данном направлении:

Длинные и короткие волны, которые мы обнаружили в темпе изменения творческой продуктивности западноевропейской физики, получают полное освещение только в том случае, если нам действительно удастся найти их также и в развитии других родственных наук (особенно химии) и показать их связь с эволюцией техники. Автор продолжает свою работу в этом направлении⁶⁰.

⁵⁶ Там же. Л. 7–8. Тут же в конце письма Райнова имеется приписка Радлова к Вернадскому, датированная 15 октября, в которой давалась рекомендация: «Если Вы согласитесь допустить Райнова к прочтению доклада, то пусть это будет не первым докладом; желательно, чтобы Л. С. Берг или [А. И.] Андреев выступили раньше».

⁵⁷ Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сб. документов. СПб., 2003. С. 237, 522.

⁵⁸ Гаврюшин Н. К. Переписка Т. И. Райнова с Дж. Сартонем // ВИЕТ. 1987. № 1. С. 138.

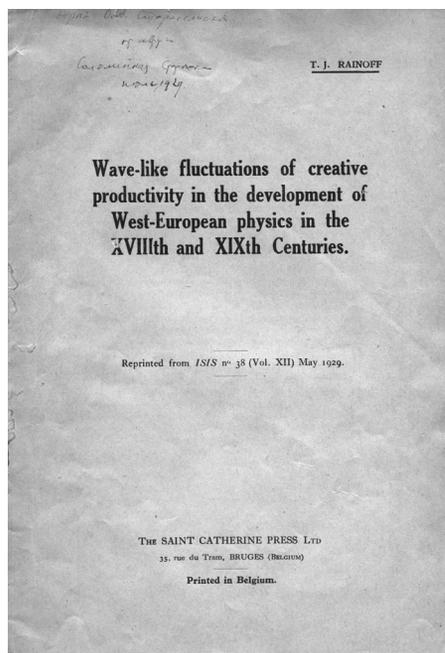
⁵⁹ Rainoff, T. J. Wave-like Fluctuationas of Creative Productivity in the Development of West-European Physics in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *Isis*. 1929. Vol. 12. No. 38. P. 307.

⁶⁰ Райнов Т. И. Волнообразные колебания творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики XVIII и XIX веков // Избранные труды Кондратьевского Конъюнктурного института... С. 161.

Номер журнала со статьей Райнова вышел в июне, и соответственно только после получения оттисков он мог начать реально распространять работу среди знакомых.

Современники, те немногие, кто имел возможность ознакомиться с наукометрической работой Райнова в форме устного сообщения или в печатном виде на английском языке, поняли и оценили новаторский характер этого труда. В архивном фонде Райнова имеется несколько отзывов, содержащих высокую оценку его исследования⁶¹. Но, пожалуй, наиболее выразительно письмо Кондратьева жене, отправленное 14 апреля 1932 г. из Суздальского политизолятора, располагавшегося в бывшем Спасо-Ефимиевом монастыре, в котором он просил прислать для работы оттиск статьи Райнова, «которую он напечатал в ISIS'е. Если не найдешь оттиск среди моих книг, попроси его у автора»⁶².

Менее чем через две недели после выступления Райнова с докладом на заседании в Комиссии по истории знаний, 25 декабря 1928 г., член-корреспондент АН СССР Л. С. Берг (который, кстати, также был уроженцем Бессарабской губернии) направил из Ленинграда в Москву письмо с предложением резюмировать содержание сделанного доклада в виде статьи объемом примерно в 30 тыс. знаков для журнала «Природа». В эти годы «Природа» была изданием Комиссии по изучению производительных сил России (КЕПС) АН СССР и редакция журнала располагалась в Ленинграде (Васильевский остров, Тучкова наб., д. 2). Узнав, что Райнов готовил свою статью в объеме двух печатных листов для журнала «Естествознание и марксизм», Берг в письме от 10 января 1929 г. отметил, что, по мнению редакции «Природы», это не

Титульный лист отдельного оттиска журнала Isis с публикацией статьи Т. И. Райнова. В левом верхнем углу – автограф Райнова, дарственная надпись О. А. Старосельской-Никитиной. В тексте статьи имеются ее карандашные пометы

⁶¹ ОР РГБ. Ф. 441. Карг. 14. Д. 11; Карг. 15. Д. 90; СПФ АРАН. Ф. 804. Оп. 2. Д. 896. Впрочем, известна и иная оценка. Райнов попросил физика О. Д. Хвольсона ознакомиться с работой и получил в январе 1929 г. короткий, сдержанный, ироничный ответ: «Я сделал для Вас исключение и на днях весьма внимательно прочел Вашу рукопись. Мне показалось весьма интересным то, что Вы говорите насчет физики. По вопросу о связи с другими явлениями я ничего сказать не могу. Когда два явления протекают параллельно или антипараллельно, то мне часто кажется, что они оба следствия третьего явления, которое и есть их причина». (ОР РГБ. Ф. 441. Карг. 15. Д. 86).

⁶² Кондратьев. Суздальские письма... С. 58. Кондратьев, арестованный в июне 1930 г., с 12 февраля 1932 г. находился в месте постоянного заключения, в Суздале.

может служить препятствием, и вновь предложил подготовить материал для «Природы» в указанном объеме⁶³.

Однако в издании своей работы на родине Райнов потерпел неудачу. Как известно, вскоре после описываемых событий Н. И. Бухарин заменил В. И. Вернадского на посту председателя КИЗ, переименованной 28 февраля 1932 г. в Институт истории науки и техники АН СССР. В этот период вплоть до 1938 г. контакты Райнова с Вернадским документально не прослеживаются, за одним исключением.

После успеха, связанного с публикацией в *Isis*, у Райнова установились дружеские отношения с американским историком науки Сартоном. По договоренности с ним Райнов готовил несколько публикаций для этого издания, в том числе обзор работ по истории науки, выполненных в России. В ходе этой работы Райнов списывался с известными ему учеными, работавшими в области истории знаний. В числе тех, к кому он обратился, был и Вернадский, в фонде которого сохранилась почтовая карточка Райнова, датированная 28 марта 1929 г. Он просил дать уточнения по двум позициям:

1. Сколько мне известно, Ваш краткий очерк истории геохимии (в Очерках) – пока единственный в этой области, особенно учитывая и приведенную в ней библиографию. Не заблуждаюсь ли я?

2. Не припомните ли Вы, сколько раз Вы читали в Москве те истор[ические] курсы, о которых упоминаете во 2-ой части своих статей – и когда? Я бы хотел отметить, что история естеств[енных] наук преподавалась у нас еще до войны.

Не осудите, если Вам некогда отвечать, что я затрудняю Вас. Я не буду в претензии. Пред[анный] Вам Т. Райнов⁶⁴.

Что касается контактов Райнова с ИИИТ АН СССР в то время, когда институт находился в Ленинграде, то это отдельная тема, подкрепляемая достаточно выразительной источниковой базой. Причем на определенных этапах уже ИИИТ выступал с инициативой сотрудничества с Райновым. Например, 5 апреля 1933 г. ученый секретарь ИИИТа М. А. Гуковский написал пространное письмо к Райнову – одному «из немногих специалистов по истории науки, которых Институт стремится так или иначе связать со своей работой путем ли постоянного сотрудничества, или же путем спорадического корреспондентства, почему я и позволяю себе обратиться к Вам с предложением войти в контакт с нашим еще молодым и только строящим свою работу Институтом». Гуковский давал своему корреспонденту полный карт-бланш. Ему предоставлялась возможность публикации в трудах ИИИТа и выступления в случае приезда в Ленинград с докладом на любую историко-научную тему. Выдвигалось также предложение, чтобы Райнов вошел в авторский коллектив, состоящий из С. И. Вавилова, Б. М. Гессена, В. А. Цейтлина, С. Ф. Васильева, С. Я. Лурье и самого Гуковского, для подготовки коллективного труда по ис-

⁶³ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 15. Д. 6. Л. 1–2.

⁶⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1349. Л. 11–11 об.

тории механики, который «заменит Дюринга, Маха и Дюгема для советского (а может быть и не только советского) читателя»⁶⁵.

В архиве удалось обнаружить подписанный Райновым с ИИНТом 31 декабря 1935 г. договор о подготовке работы «Ломоносов и наука мануфактурного периода» (10 а. л.) и редактировании рукописи Б. Н. Меншуткина «Ломоносов как физико-химик». Вскоре, 17 января 1936 г., был подписан другой договор, свидетельствующий о том, что работу над монографией по истории научных знаний в средневековой Руси (около 20 а. л.) Райнов готовился завершить до середины 1937 г. Творческое сотрудничество Райнова с ИИНТом укрепилось после перевода института в Москву, и в конечном счете оно завершилось его поступлением сюда на работу. В Москве ИИНТ размещался сначала на Волхонке, 14, а затем на ул. Фрунзе, 11. В этот период (1936–1937) Райнов подряжался на договорных началах сделать обзор иностранных журналов по истории науки и техники, вышедших в 1936 г. (1,5 а. л.), подготовить исследование «Естествознание в России в XVII в.» (10 п. л.), выполнить большой объем работ в качестве оргредактора по четвертому тому «Естествознание XVII и первой половины XVIII в.» для «Всеобщей истории естествознания» и др.⁶⁶

Т. И. Райнов – В. И. Вернадский. Эпизод второй: гибель ИИНТ

В 1935 г. Вернадский переехал в Москву. Вполне вероятно, что в это время могли происходить его встречи с Райновым. Однако документально их общение подтверждается только с 1938 г., когда Институт истории науки и техники АН СССР вступил в завершающую фазу своей истории. Как известно, Вернадский прилагал огромные усилия по спасению института, которые, впрочем, оказались тщетны.

События тех дней нашли отражение в дневниках Вернадского. 1 февраля 1938 г. он коротко записал важнейшие события этого насыщенного встречами и делами дня:

Днем Тимоф[ей] Ив[анович] Райнов. Об инст[итуте] ист[ории] и зн[аний]. Его не трогали – очевидно, несколько лет назад моя бандероль попала к другому, и тот мне вернул. Сборник по истории науки XV–XII стол[етия] он составляет – хорошо. Приходится для спасения сборника помещать статьи «диал[ектических] мат[ериалистов]». Максимов отказался, желая сохранить свободу критики. Тут обделываются дела просто.

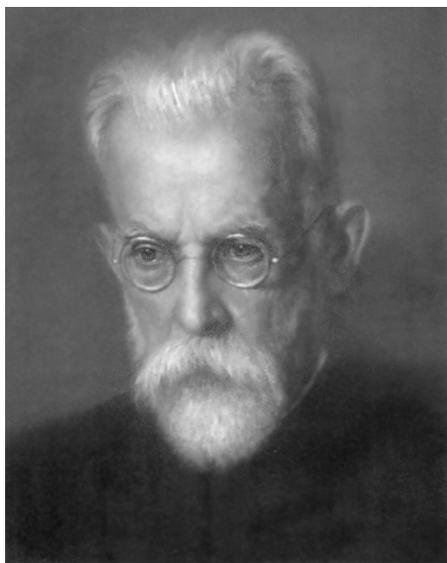
Райнов «по первоист[очникам]» – «ист[ория] ест[ествознания] в России». Работа все же идет⁶⁷.

Дневниковые записи – обычно краткие заметки, которые автор ведет для себя, «для памяти». Потому они подчас имеют вид закодированного послания, с трудом поддающегося, а иногда и вовсе не поддающегося расшифровке.

⁶⁵ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 15. Д. 29. Л. 1–2 об.

⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 3.

⁶⁷ *Вернадский В. И. Дневники, 1935–1941: в 2 кн. М., 2008. Кн. 1. С. 211.*

В. И. Вернадский, 1930-е гг.

Так и при чтении приведенного фрагмента невозможно в точности понять фразу «Его не трогали...» и далее. Безусловно, речь шла о чем-то таком, что реально могло угрожать Райнову. Но о каком времени идет речь – «несколько лет назад» – также непонятно. 1937–1938 – годы, когда один за другим именов Советского государства были убиты Шпет, Бухарин, Кондратьев. Насколько сейчас известно, из названных наиболее близким Райнову был Кондратьев. Но маховик репрессий на представителей «школы Кондратьева» – сотрудников Конъюнктурного института – пришелся на начало 1930-х гг. и обошел Райнова стороной. Бухарину как директору ИИНТ, судя по косвенным данным, Райнов писал, но о каких-либо их контактах вряд ли можно говорить. Практически исклю-

чено, чтобы за этой загадочной фразой Вернадского стояло имя Шпета. Слово «бандероль» указывает на то, что Вернадским было что-то послано из Ленинграда в Москву. Такие пересылки между Вернадским и Райновым, содержащие опубликованные работы, как мы знаем, бывали. В принципе допустимо предположение, что Вернадский мог просить Райнова передать нечто кому-то в Москве. Бухарину – ?.. Дальше начинаются чистые фантазии, не имеющие без документального подтверждения никакого разумного смысла. Самое примечательное здесь то, что если такая посылка Райнову могла иметь место, как прямо следует из записи Вернадского, то это свидетельствует о куда более доверительных отношениях между ними, чем можно было предполагать.

В самом начале записи о визите Райнова Вернадский обозначил главную тему беседы – гибнущий Институт истории науки, или, как вариант, создание нового института. Но в отличие от других посетителей тех дней (Б. Г. Кузнецов, П. Д. Дузь, С. Л. Соболев), с которыми Вернадский обсуждал пути и варианты спасения института, с Райновым, судя по записи, речь шла о конкретных продолжающихся научных исследованиях. Не совсем ясно, кому принадлежит ошибка в записи «Сборник по истории науки XV–XII стол[етия]» – Вернадскому или публикатору. Правильно должно быть «Очерки по истории естествознания XVI – перв. полов. XVIII вв.» (IV том «Всеобщей истории естествознания»), оргредктором которого и, судя по отзыву Вернадского, хорошим, был Райнов. В его архиве хранятся документы – таблицы, в которых он фиксировал этапы работы по каждому разделу сборника по состоянию на 15 марта 1938 г.: название работы, фамилия автора, договорные сроки сдачи материала, объем текста и сумма гонорара. Несмотря на то что и этот историко-научный проект не был реализован, историографически интересны и содержание, и состав авторов сборника.

Н. Д. Моисеев готовил раздел «Коперник, Кеплер, Галилей и борьба за новую систему мира» (3 п. л., первоначально автором планировался Б. А. Воронцов-Вельяминов), а также «Ньютон и разработка математического естествознания» (3 п. л.) и «История механики XVI–XVIII вв.» (3 п. л.); В. С. Гохман – «История физики в XVI–XVIII вв.» (2 п. л.) и «Лейбниц и элементы математического естествознания на континенте» (1 п. л.); В. П. Зубов – «Католическая реакция против нового естествознания» (1 п. л.), «Атомистика в естествознании XVI–XVIII вв.» (2 п. л.); Б. Г. Кузнецов – «Возникновение капиталистического производства и общий характер естествознания мануфактурного периода» (1,5 п. л.), «Ломоносов–естествоиспытатель» (1 п. л.), «Мировоззрение и естествознание мануфактурного периода» (1,5 п. л.)⁶⁸; Б. Н. Меншуткин – «История химии XVI–XVIII вв.» (1,5 п. л.); М. П. Лесников – «Географические открытия XV–XVII вв.» (1,5 п. л.); Т. И. Райнов – «Представители нового естествознания» (1 п. л.), «Новые организационные научные центры» (1,5 п. л.), «Теория и техника эксперимента» (2 п. л.), «Декарт и картезианское естествознание» (1,5 п. л.), «Борьба картезианства и ньютонианства» (1 п. л.); С. Л. Соболев – «История биологических наук» (4 п. л.); Н. С. Шацкий – «Истории геологии и минералогии» (1,5 п. л.); С. А. Яновская – «Математический аппарат естествознания» (3 п. л.)⁶⁹. Как видно, том размером в 37,7 п. л. готовили десять уже в то время видных специалистов по истории научных знаний. К ноябрю 1938 г. Райнов должен был завершить всю работу.

Последняя фраза в дневниковой записи, сделанной Вернадским 1 февраля: «Райнов “по первоист[очникам]” – “ист[ория] ест[ествознания] в России”. Работа все же идет», свидетельствует о его интересе к творчеству собеседника. Но не только. В разговоре затрагивался один принципиальный вопрос: можно ли в обобщающей научной работе по истории естественно-научных знаний в допетровской Руси обойтись без привлечения архивных материалов-первоисточников. Это вопрос волновал Райнова, и его сомнения вылились на страницах введения к его главной историко-научной книге. В завершающей части он писал:

Перед автором стояла дилемма: имевшиеся в его распоряжении несколько лет затратить на разбор неопубликованных рукописей – либо использовать эти годы для посильного анализа значительного материала опубликованных источников. Соединить эти две задачи автор по условиям своего недостаточного научного досуга не мог. Ему пришлось выбирать. Он пошел по второму пути, надеясь, что его попытка анализа даст толчок другим исследователям изучить и издать новый или плохо известный архивный материал, чтобы ввести со временем коррективы в то, о чем сейчас, в отдельных случаях, можно судить лишь гипотетически⁷⁰.

⁶⁸ Разделы «Атомистика в естествознании XVI–XVIII вв.» и «Мировоззрение и естествознание мануфактурного периода» должен был первоначально готовить «диалектический материалист» А. А. Максимов. Об этом Райнов и поведал при встрече Вернадскому, что породило соответствующую язвительную запись в дневнике.

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 6. Л. 1–3.

⁷⁰ Райнов Т. И. Наука в России XI–XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу. М.; Л., 1940. С. 9.

Следующий раз имя Райнова в дневниках Вернадского упомянуто в записи от 9 апреля 1938 г. В гостях у В. И. Вернадского был Б. Г. Кузнецов. Их беседа велась главным образом вокруг вопроса о сохранении в каких-либо организационных формах изучения истории науки и техники ⁷¹. Далее в связи с визитом Кузнецова Вернадский записал: «О его статье о Лобачевском. Об Остроградском: он легкомысленно ему приписал – не проверив. Ему указал Райнов» ⁷². Речь шла об ошибке, допущенной Кузнецовым в статье, в которой он воспроизвел устаревшие данные об М. В. Остроградском как об авторе памфлета против Лобачевского ⁷³.

В дневниках Вернадского имеются еще несколько записей о Райнове, но они относятся к заключительному эпизоду. События, неожиданно для обоих приобретшие драматический характер, развернулись уже в 1940 г.

Т. И. Райнов – В. И. Вернадский. Эпизод третий: история науки в России и докторская ученая степень

Как уже говорилось, идея подготовки монографического исследования – очерков о развитии естественно-научных воззрений на природу в России в допетровский (доакадемический) период – созрела у Райнова примерно в середине 1930-х гг. Об этом свидетельствует заключенный им 17 января 1936 г. договор с ИИНТ АН СССР на написание труда «Русская наука от XI–XVIII веков» в размере 20 авторских листов. Рукопись книги «Наука в России XI–XVII веков (очерки истории представлений о природе» в количестве 885 машинописных страниц и 20 рисунков Райнов передал издательству АН СССР 29 июня 1938 г. Ранее, 14 июня 1938 г., то же издательство документально оформило исключительное право на издание и переиздание труда Райнова «Наука в России в XI–XVII вв.» размером до 30 п. л. с утвержденным сроком сдачи 15 июля 1938 г. ⁷⁴ Однако до сдачи работы в типографский набор прошел год. Судя по выходным данным, это произошло 5 июня 1939 г.; книга была подписана в печать 19 ноября того же года. По свидетельству Райнова, в апреле 1940 г. у него на руках находился единственный экземпляр верстки; задержка с тиражом объяснялась издательством отсутствием бумаги.

Начиная с 1939 г. на историческом факультете МГУ Райнов читал лекционные курсы по истории науки. В связи с принятием 13 января 1934 г. и 20 марта

⁷¹ 15 апреля 1938 г. Райнов получил справку об освобождении от должности старшего научного сотрудника ИИНТ АН СССР в связи с ликвидацией института на основании постановления Президиума АН СССР от 5 марта 1938 г. (ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 4. Л. 3).

⁷² *Вернадский. Дневники...* Кн. 1. С. 283. Подробнее см.: *Илизаров С. С. Диалоги историков науки: Б. Г. Кузнецов – собеседник В. И. Вернадского // Владимир Иванович Вернадский и история науки: к 150-летию со дня рождения. М., 2013. С. 98–104.*

⁷³ *Кузнецов Б. Г. Лобачевский и его современники // Под знаменем марксизма. 1937. № 7. С. 149.*

⁷⁴ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 3. Л. 35, 36.

1937 г. постановлений СНК СССР «Об ученых степенях и званиях»⁷⁵ в стране вводились не только ученые степени кандидата и доктора наук, но также увязывалось звание профессора с наличием докторской ученой степени. В этой связи истфак МГУ стал требовать от Райнова скорейшей защиты докторской диссертации, минуя кандидатскую, выражая согласие принять в качестве текста диссертации вышеназванную книгу. Возникла типичная в таком случае ситуация с подбором оппонентов, отзывов и проч. Поскольку Райнов работал на кафедре западного Средневековья, а книга была построена на русском материале да плюс к этому к защите представлялась работа по истории науки, возникали дополнительные процедурные сложности. В этой связи и появилась идея обратиться за отзывом к Вернадскому как самому авторитетному в этом вопросе человеку.

7 апреля 1940 г. Райнов написал и отправил следующее письмо:

[Л. 12]

Глубокоуважаемый Владимир Иванович, позвольте затруднить Вас большой просьбой.

Дожив до 50 лет и занимаясь полностью научной работой, я никогда не искал никаких внешних отличий и званий. Но теперь, под старость, истор[ический] фа[культет] МГУ, на котором я читаю историю науки IV–XVIII в. (по кафедре западного Средневековья), требует от меня [Л. 12 об.] представления диссертации, соглашаясь принять сразу в качестве докторской диссертации мою книгу: «Наука в России XI–XVII вв. Очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу». Эта книга сверстана и должна выйти в издательстве Академии наук, но обычная, а может быть, и необычная для этого учреждения волокита задерживает выпуск книги под предлогом отсутствия бумаги.

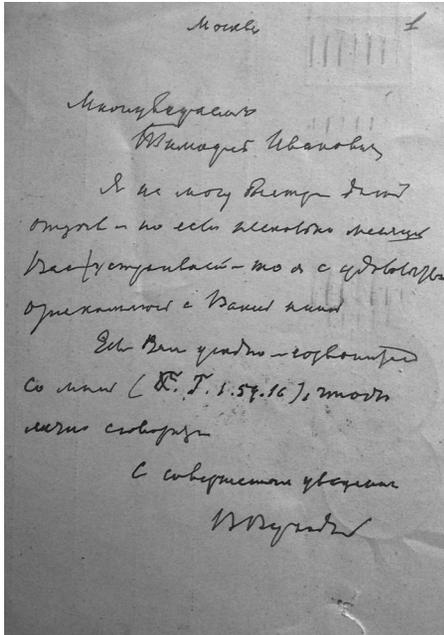
Что касается истфака, он хотел бы иметь хотя бы самый общий отзыв о книге от естественника, квалифицированного вместе с тем в истории науки. Я и обращаюсь к Вам с просьбой – не [Л. 13] найдете ли Вы возможным дать подобный отзыв? Речь идет не более чем об общем отзыве. В дальнейшем официальное обсуждение книги будет поручено другим лицам.

Я знаю, до какой степени Вы стеснены во времени, и отдаю себе полный отчет о том, что Вы не имеете возможности читать толстых книг, не стоящих в связи с Вашими текущими занятиями.

Но я уверен, что при Вашей компетентности в предмете достаточно будет 2–3 часов перелистывания книги, чтобы составить себе о ней общее представление [Л. 13 об.] – достаточное для суждения о пригодности книги в качестве докторской диссертации. Если бы Вы нашли время и возможность просмотреть книгу с этой целью, я мог бы предоставить Вам имеющийся у меня единственный экземпляр верстки.

Я не осмелился зайти к Вам с этой просьбой, чтобы не отнять от Вас еще больше времени, чем потребует от Вас прочтение этого письма.

⁷⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М., 1934. № 3; Там же. М., 1937. № 21.

В. И. Вернадский. Письмо Т. И. Райнову,
18 апреля 1940 г.

Но если бы Вы нашли целесообразным наше свидание, я готов явиться к Вам в любое время.

Впервые за последние 4 года я получил отписки 2 своих статей – и с искренним уважением и почтением представляю их Вам. Искренне преданный Вам Т. Райнов ⁷⁶.

Вернадский ответил, судя по штемпелю на почтовой карточке, 18 апреля следующей собственноручно написанной запиской:

Москва
 Многоуважаемый Тимофей Иванович

Я не могу быстро дать отзыв, но если несколько месяцев Вас устраивает, то я с удовольствием ознакомлюсь с Вашей книгой

Если Вам удобно, созвонитесь со мной (Г.П.1.54.16), чтобы лично поговорить.

С совершенным уважением
 В. Вернадский ⁷⁷.

Поскольку в дальнейшем между двумя учеными стало вдруг возникать недопонимание, приведшее к обострению отношений, состояние, беспокоившее обоих, то лучше всего дать слово им самим, ограничившись минимальными комментариями.

26 мая 1940 г. Письмо Райнова Вернадскому:

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

при сем представляю Вам для ознакомления и отзыва имеющийся у меня единственный экземпляр копии верстки моей книги. Прошу меня великодушно извинить за неопрятность некоторых листов, а также за не везде исправленные (мелкие) корректорские опечатки. У меня нет другого, более исправного экземпляра, и издательство Ак. наук не могло мне представить такового. Прилагаю также, согласно Вашему желанию, Curriculum [Л. 14 об.] vitae и список моих работ по истории науки.

Разрешите напомнить, что Ваш отзыв будет представлен историческому факультету Моск. университета, по кафедре Средних веков. Поскольку эта кафедра не занимается историей России, а моя книга относится к истории России, в отзыве желательно обратить внимание на то, что история науки в России рассматривается в связи с общим движением науки: это оправдывает представление книги именно через кафедру Средних веков.

⁷⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1349. Л. 12–13 об.

⁷⁷ ОР РГБ. Ф. 441. Карг. 15. Д. 13.

Позвольте мне напомнить также, что книга представляется (далее зачеркнуто 1 слово неразб. – С. И.) прямо [Л. 15] на соискание докторской степени, минуя защиту кандидатской диссертации. Факультет в принципе согласился на это, основываясь на наличии у меня прежних работ. Поэтому если Вы найдете возможным упомянуть хотя бы о некоторых из таких уже напечатанных работ, хотя бы по XVIII веку, включая последнюю в Московском сборнике 1940 г., Вы весьма обяжете факультет и меня.

Не смею отнимать у Вас время для личного свидания. Но если б Вы нашли нужным что-либо дополнительно выяснить хотя бы письменно или путем личной встречи, я, конечно, весь [Л. 15 об.] к Вашим услугам.

Простите меня, что я отнимаю у Вас драгоценное время просмотром такой толстой книги. Надеюсь, некоторое облегчение доставит Вам при том предметный указатель, к сожалению, – только в машинописном виде, потому что издательство не отыскало для меня этой части верстки.

Прилагаю оттиски нескольких своих статей, которые, может быть, пригодятся при составлении отзыва. Статья о Бернулли у меня в единственном экземпляре, и я буду просить Вас об ее возврате после Вашего просмотра.

Позвольте принести Вам еще раз горячую благодарность за Вашу бесценную отзывчивость и доброту.

Искренно преданный Т. Райнов ⁷⁸.

После этого майского письма последовала продолжительная пауза, во время которой Вернадский, видимо, внимательно изучил труд Райнова. 20 октября Райнов побывал дома у Вернадского, где состоялся большой разговор, и на следующий день появилась следующая дневниковая запись:

21.10.1940

Вчера – в воскресенье – был утром Райнов – с ним по существу о его статье в Ломон[осовском] сборнике. Философ – да еще, очевидно, идеалист, перешедший в реалисты, начавший заниматься историей естествознания. Отзыв в университет (для докторской он представил «Очерки по истории естествознания в России»). Один будет Пичета – надо от натуралистов, зна[комых] с историей науки. И мой отзыв будет учтен. В статье о Ломоносове он как философ, но правильно оценил конкретную работу натуралистов Ловецкого, Палласа, Брауна. В этом же сборнике – прекрасная статья Елисеева об истории физич[еского] кабинета Академии – роль Крафта, Рихмана, Брауна и др[угих]. Елисеев – молодой человек и, кажется, партийный (по его словам). Говорит, что статья о Бошковиче (Годацкого–Цвирко) не может быть принята в «Научном наследстве», т[ак] к[ак] она должна была (он – секретарь) подчиниться протесту Луппола (незадолго до ареста) и Струмилина: исследования должны идти в Ком[иссии] по истории науки – а материалы – в «Научном наследстве». М[ожет] быть, издать перевод латинского трактата и дать очерк как «Введение»? Списать с Годацким?

Он говорит, что со слов товарища Дузя – его докторская диссертация – не его. Наверное, на основании разговоров с ним. Среда, в которой вра-

⁷⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1349. Л. 14–15 об.

щается Дузь, мне представляется совершенно способной на все – аморальная, карьерестическая «ученая» молодежь⁷⁹.

Судя по этой записи, почти ничего не предвещало будущих осложнений. Почти, потому что несколько раз Вернадский, положительно в целом оценивая работу Райнова о Ломоносове⁸⁰, подчеркивал, что это почерк философа. Когда читаешь дневниковую запись Вернадского, возникает ощущение возрастающего раздражения. В тексте явная негативная коннотация: Райнов – философ, да еще идеалист, перешедший в реалисты; он – философ, начавший заниматься историей естествознания, словно автору дневника до этого ничего не было известно об историко-научных работах своего собеседника... Раздражение чувствуется в неявном противопоставлении Райнова и Елисеева, опубликовавшего статью в том же ломоносовском сборнике. Информация о снятии из готовящегося первого тома археографической серии «Научное наследство» статьи А. М. Годицкого-Цвирко (давнего знакомого Вернадского) также вызывает недовольство, хотя Райнов всего лишь вынужден был исполнять чужие указания. Что касается истории с докторской диссертацией историка техники П. Д. Дузя (одного из частых тогда гостей Вернадского) и ходивших тогда и после разговоров об этом, стоит обратиться к его собственному автобиографическому рассказу⁸¹. Отмечу только, что Вернадский с интересом выслушивал и фиксировал подобного рода информацию.

Как видно, во время встречи 20 октября у Вернадского не было сомнений в целесообразности дать отзыв в Совет МГУ на книгу Райнова как на докторскую диссертацию. Более того, его, очевидно, вполне устраивало, что на защите одним из оппонентов будет такой авторитетный историк-славист, как В. И. Пичета, которого должен был уравновесить специалист – натуралист и историк науки в одном лице. Но прошло меньше месяца, и Вернадский решил не давать отзыв. Об этом он сообщил Райнову 27 ноября. По обыкновению на следующий день Вернадский открыл дневник и записал одну-единственную фразу: «28.11. Вчера утром был Тимофей Иванович Райнов»⁸². Не суть важно, к этой встрече или к предыдущей, проходившей 20 октября, Вернадский вернулся 16 июля 1942 г. во время эвакуации в Боровом. Разбирая дневниковые записи и составляя так называемую хронологию, он записал:

Разговор с Райновым и его книга по «Истории естествознания в России». Отказался дать отзыв. Чувствуется посыл философа, а не натуралиста. Было мне очень неприятно отказываться. И осталось очень неприятное чувство – правильно ли я поступаю? Человек много работал. Он говорил о Дузе – не верю. Разговор с Дузем – впечатление обратное. Я ошибся в обоих случаях⁸³.

⁷⁹ Вернадский. Дневники... Кн. 2. С. 132.

⁸⁰ Райнов Т. И. Русское естествознание второй половины XVIII в. и Ломоносов // *Ломоносов М. В. Сборник статей и материалов*. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 318–388.

⁸¹ Мочалов И. И. Академик Вернадский: «...Это настоящий человек» // *ВИЕТ*. 1993. № 4. С. 67–81.

⁸² Вернадский. Дневники... Кн. 2. С. 137.

⁸³ Там же. С. 152.

Суть претензий Вернадского раскрывает письмо Райнова, наверное, самое эмоциональное из всего его эпистолярного наследия.

29/XI 40.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

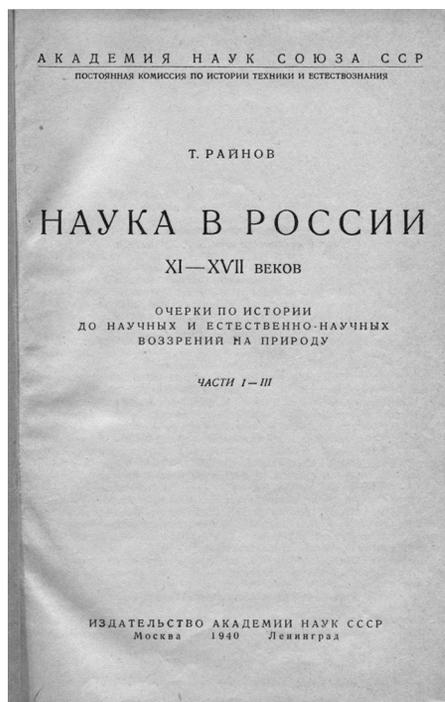
позвольте мне принести Вам глубочайшую благодарность за ту поистине беспредельную доброту и благожелательность, с какою Вы отнеслись к моей просьбе дать отзыв о моей книге. Я крайне сожалею, что затруднил Вас, при Вашей занятости, чтением такой толстой и не интересной для Вас книги. Я должен был обратиться к Вам с этим письмом сейчас же по уходе от Вас, но придя домой, я был потрясен смертью старого друга, которого хоронил эти дни, и потому не имел времени написать Вам письмо.

Позвольте мне сказать Вам со всею откровенностью, глубокоуважаемый Владимир Иванович, что после нашей последней беседы я не могу принять от Вас добрый отзыв о моей книге, которую Вы считаете по существу плохой. Я не могу согласиться с Вами в том, что это – сырая работа. Напротив, хотя ее тема не увлекла меня глубоко, я отнесся к предмету со всею возможною для меня добросовестностью и тщательностью. В книге нет вещей, написанных второпях и необдуманно – у меня были годы для обдумывания. [Л. 16 об.] Там нет повторений, кроме кажущихся и сознательных, вызванных необходимостью пояснить свою мысль с новой стороны или на новом материале. Ваше впечатление, которое меня крайне огорчило, я могу объяснить себе только прискорбным предположением, что у нас с Вами нет общего подхода и общего языка в отношении таких сюжетов. Мне очень больно констатировать это, но делать нечего.

После этого было бы чудовищной нравственной тупостью просить у Вас доброго отзыва, зная, что Вы по своей доброте захотите дать его вопреки своему впечатлению от книги.

Простите, что я эгоистично затруднил Вас своим неуместным обращением. Я очень стыжусь этого и не знаю, как загладить свою вину перед Вами. Но я прошу Вас не писать отзыва о книге.

При всех наших расхождениях – искренно и глубоко уважающий Вас Т. Райнов⁸⁴.

Титульный лист книги Т. И. Райнова «Наука в России XI—XVII веков» (М.; Л., 1940)

⁸⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1349. Л. 16–16 об.

Это послание настолько растревожило Вернадского, что он немедленно по получении письма принялся за составление ответа. Сохранились два листа бумаги с текстом, испещренным многочисленными зачеркиваниями и исправлениями. Ответное письмо было практически готово, но не послано. Из этого неотправленного варианта следует, что Вернадский не оставил намерения подготовить «в ближайшее время» отзыв о книге. Несмотря на возражения и объяснения Райнова, он настаивал на наличии в ней неоправданных повторов. Главный момент расхождения заключался в понимании природы, чуждом «натуралисту нашего времени». Пытаясь сформулировать суть претензий, Вернадский в стремлении точно словесно оформить свою мысль писал: «... чувствуется, что Вы не избавились от философии». Далее он предполагал развернуть критику по ограниченности использованных в книге источников и в качестве пробела указал на труды Б. Е. Райкова. Несколько искажая изначальный смысл обращения Райнова, Вернадский заявляет: готов дать отзыв о нем как об ученом в области истории науки, но не о книге, в которой «много повторений» и ее трудно «читать натуралистам в связи с необычным для него пониманием природы»⁸⁵. Но составленный 29 ноября черновик письма не был перепечатан на машинке, поскольку Вернадский решил не спешить с ответом. Он вернулся к этому 2 декабря и начал новый вариант следующей фразой: «Я получил Ваше письмо от 29 ноября и сейчас же на него было ответил, но его не послал и пишу только теперь». Текст напечатан на машинке на полутора листах и также содержит значительные исправления и рукописные добавления. Вторая редакция отличалась от первого варианта большей сдержанностью и лаконичностью. Второй, исправленный и дополненный вариант, лег в основу окончательного машинописного текста, отправленного Райнову 3 декабря. В фонде Вернадского сохранился отпуск этого письма, по которому он и публикуется с сохранением всех особенностей текста.

Москва, 3 декабря 1940 г.⁸⁶

Многоуважаемый Тимофей Иванович,

Я получил Ваше письмо от 29 ноября и сейчас же на него было ответил, но не послал его и пишу только теперь.

Мне очень жаль, что между нами произошло недоразумение: вызвано оно тем, что я думал, что Вы хотите, чтобы я дал общий отзыв о Ваших работах по истории науки, который Вы могли бы, если бы захотели, представить в университет, но я не знал, что дело идет о диспуте и что я должен дать отзыв специально об этой Вашей книге. Мне кажется, Вы вынесли неправильное впечатление о моей ее оценке. Я исхожу из чувства справедливости (а не «доброты»), когда признаю эту книгу вполне достаточной для защиты на степень доктора исторических наук. Вы могли бы мне возразить на диспуте на мои⁸⁷ спорные суждения. Но я, к сожалению, по состоянию моего здоровья, принимать участия в диспуте не могу.

⁸⁵ Там же. Л. 20–20 об.

⁸⁶ В верхнем поле листа имеется надпись от руки: «Райнов. Копия». Там же. Л. 22.

⁸⁷ Слово «мои» вписано над строкой.

Диспут – это акт, который должен быть оформлен не по-домашнему. Надо давать отзыв для диспута – когда этого факультет желает⁸⁸ – по приглашению факультета, а не по нашему частному соглашению. Университет, вернее факультет, должен был бы обратиться ко мне официально. В данном случае, в области знания, в которой еще не сложилась традиция, сделать это особенно недопустимо⁸⁹. И я никогда бы не согласился при этих условиях давать отзыв, тем более что я не знаю ни состава факультета, ни даже фамилии декана, от которого Вы ко мне обращаетесь.

К сожалению, я читал Вашу книгу, не думая, что я должен давать отзыв специально о ней, читал внимательно почти до конца, до последних двух глав. К сожалению, я не делал в ней отметок.

Я внимательно следил и слежу за Вашей научной работой в области истории знаний, очень положительно ее оцениваю и очень огорчен, что Вы могли так неправильно понять наш разговор.

Я надеюсь, что это недоразумение не отразится на наших отношениях.

[Л. 22 об.] Еще раз повторяю: я без всяких сомнений считаю, что Ваш большой труд «Наука в России XI–XVII веков» совершенно достаточен для получения степени доктора исторических наук. Но ряд спорных вопросов возникает. Диспут и происходит теоретически, чтобы публично для других выяснить кто прав.

Но мое выступление на диспуте исключено по состоянию моего здоровья.

Очень положительно оценивая Ваш труд, думаю, что чуждая натуралисту Ваша философская концепция природы делает чтение книги для него трудным. Но книга от этого не теряет для него своего интереса⁹⁰.

Наличие трех вариантов письма к Райнову, сохраненных в архиве, свидетельствует о том, какое исключительно большое значение придавал Вернадский этому случаю.

Райнов правильно оценил возникшую ситуацию, понял ненужность продолжения спора в какой-либо форме и ответил кратким, предельно вежливым письмом:

Москва 6/XII 40

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Я Вам очень благодарен за Ваше письмо от 3-го дек[абря] 1940, которое я получил сегодня. Я прошу Вас верить мне, что наши теоретические расхождения ни в какой степени не нарушают моего искреннейшего к Вам уважения. Еще раз сожалею, что невольно ввел Вас в заблуждение относительно характера, вернее – назначения Вашего отзыва. Меня очень трогает Ваше доброе мнение о моих работах. Я его всегда чувствовал, и оно действовало на меня ободряюще.

[Л. 17 об.] Что касается моей книги, я отказался от намерения защищать ее в качестве диссертации. Я всю жизнь обходился без ученых степеней, – надеюсь, это не помешает мне работать и впредь.

С искренним и глубоким уважением

Т. Райнов⁹¹.

⁸⁸ Слова «когда... желает» вписаны над строкой.

⁸⁹ Слово вписано поверх зачеркнутого «опасно».

⁹⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1349. Л. 22–22 об. Последняя строка в письме написана от руки.

⁹¹ Там же. Л. 17–17 об.

Не приходится сомневаться в искренности заверений во взаимном уважении двух наиболее крупных русских историков науки первой половины XX в. Но, судя по всему, неформальные отношения после этого больше не продолжились. Разумеется, Вернадский и Райнов еще не раз встречались на различных заседаниях⁹², правда, времени для этого оставалось у них совсем немного.

Знание общего хода развития в нашей стране истории науки и техники как сферы профессиональной деятельности в лице главных действующих лиц этого процесса и знакомство с жизнью и наследием Райнова позволяют вынести суждение о нем как о самом крупном и разностороннем историке науки. То, что по истечении более полувека со дня его смерти обширное научно-исследовательское, педагогическое и научно-организационное наследие Райнова остается не изученным и невостребованным, свидетельствует лишь о состоянии истории науки и науки в целом в современной России.

Вместо эпилога

Райнов не сдержал обещания, данного в последнем письме к Вернадскому, и 12 мая 1941 г. на заседании ученого совета исторического факультета МГУ под председательством С. Д. Сказкина прошла публичная защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. В постановлении совета записано:

Заслушав вступительное слово диссертанта, официальных оппонентов и выступивших в прениях, ученый совет истфака МГУ, принимая во внимание глубокую эрудицию автора в вопросах истории науки, новизну темы, полную научную самостоятельность в научно-исследовательской работе, большую историческую значимость полученных автором результатов, закрытым поименным голосованием постановил:

1. Считать диссертационную работу т. Райнова Т. И. на тему «Наука в России в XI–XVII вв.» вполне отвечающей требованиям, предъявляемым постановлением СНК СССР об ученых степенях и званиях от 20/III-1937 года.

2. Присудить т. Райнову Т. И. ученую степень...⁹³.

⁹² Так, на заседании редакционного совета серии «Научное наследство», состоявшемся 23 января 1941 г. у главного редактора академика В. Л. Комарова, принимали участие и Вернадский, и Райнов. Об этом заседании Вернадский сделал запись в дневнике и отметил: «Я очень рад, что мог на нем быть. Рабочий аппарат состоит из Т. И. Райнова, В. М. Гальперина, С. Л. Соболя и академиков – меня, Ферсмана, Струмилина, С. Вавилова, А. Деборина. Мне удалось провести издание “Теории” Бошковича (1753) в переводе Годацкого–Цвирко с переработанным его биографическим очерком. Комаров решительно (даже демонстративно) меня поддержал». *Вернадский. Дневники...* Кн. 2. С. 186. История серии «Научное наследство», занимающая особое место в отечественной историографии и археографии истории науки, все еще изучена недостаточно. В частности, недооценена роль Комарова и Райнова. Выявленные документы позволяют по-новому изучить этот вопрос. См.: *Грипина И. Р., Илизаров С. С. 40 лет археографической серии «Научное наследство» // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 3–18.*

⁹³ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 9. Л. 1.

* * *

Подготовка данной работы оказалась возможной благодаря помощи многих коллег, которым хочу выразить сердечную благодарность. Прежде всего это работники архивов: И. Г. Тараканова (АРАН), И. В. Тункина, Н. С. Прохоренко, Е. Н. Груздева (СПФ АРАН), Е. Р. Курапова, В. А. Комиссаров (РГАЭ), М. М. Перекалина (ЦГИА СПб), Г. Г. Емельянова (ОР РГБ). Благодарю также коллег по ИИИТ РАН: В. М. Орла за возможность ознакомиться с рядом труднодоступных изданий работ Н. Д. Кондратьева; Ю. М. Батурина, обратившего внимание на более широкое общеметодологическое значение наследия Н. Д. Кондратьева; О. П. Белозерова и Л. Н. Дроздову за помощь в доведении работы до печатного состояния. Финансовая поддержка РГНФ позволила провести оперативное копирование архивных документов. Благодарю за товарищеское участие Л. П. Киященко, Н. И. Кузнецову и Г. А. Осипова. Графическую обработку и редактирование публикуемых фотографий выполнил Кирилл Илизаров. Данная статья не могла быть написана без участия Ирины Грипиной, помогавшей в сборе архивных материалов и их расшифровке. Я с благодарностью вспоминаю С. О. Шмидта, неизменно на протяжении многих десятилетий поддерживавшего меня во всех разысканиях: незадолго до своей безвременной кончины (22 мая 2013 г.) он поделился воспоминаниями о лекциях Райнова, которые ему довелось слушать в эвакуации в годы Великой Отечественной войны.

Данную работу посвящаю памяти бывшего директора ИИЕТ АН СССР, члена-корреспондента АН СССР Семена Романовича Микулинского (1919–1991) – первого биографа и первого исследователя историко-научного наследия Тимофея Ивановича Райнова.